

157
Копия.

Р Е Ц Е Н З И Я

на рукопись учебника истории древнего Востока для вузов
под редакцией акад. В.В. Струве.

Как говорится в предисловии, в основу учебника положена книга акад. Струве, вышедшая в 1936 г. в качестве 1 т. "Истории древнего мира" ГАИМК. Эта книга в "настоящем издании подверглась существенной переработке и дополнениям применительно к требованиям курса истории древнего Востока исторических факультетов университетов и педвузов". К сожалению, в чем заключаются указанные требования, которыми руководились акад. Струве и его сотрудники, в предисловии не указывается. Поскольку до сих пор нет еще стабильной программы для вузовского курса истории Востока, постольку официальной формулировки таких требований еще не существует — может быть поэтому акад. Струве не решился расшифровать в предисловии свое понимание "требований курса истории древнего Востока". Во всяком случае, критик остается в неведении относительно конкретного содержания тех требований, которыми руководились составители настоящего учебника.

При таком положении дела приходится обратиться к другим требованиям — к требованиям той заслуженно суровой критики, которой была встречена со стороны историков-марксистов работа акад. Струве в 1 т. "История древнего мира" ГАИМК. Требования этой критики акад. Струве хорошо известны. Одни отзывы ему известны из печати; другие — в рукописи; третьи он слышал на специальном заседании редакции "Историка-марксиста" в декабре 1937 г., посвященном раз-

его книги. Если в начале дискуссии вокруг 1 т. "Истории древнего мира" между оппонентами акад. Струве существовали некоторые важные разногласия, то впоследствии эти разногласия сгладились, и в настоящее время можно совершенно точно формулировать основные ошибки и недостатки 1 т. "Истории древнего мира", общепризнанные критикой. При этом необходимо отметить, что критики исходили прежде всего именно из требований, предъявляемых к марксистскому курсу истории Востока в вузах. Но повидимому в понимании этих требований акад. Струве несогласен со своими оппонентами, так как коренные ошибки принципиально того характера, указанные критикой, остались и после переработки в новой редакции неустраненными. Таким образом, поневоле приходится возвратиться к единодушным требованиям прежней критики, как к единственному существующему критерию для выяснения степени действительной переработки книги.

С точки зрения критиков 1 т. "Истории древнего мира" всякий исторический учебник должен быть прежде всего марксистским, т.е. должен руководиться положениями марксистско-ленинской методологии, как по отношению к общесторическим проблемам, так и по отношению к проблемам истории данной эпохи или данного периода. Далее, учебник должен быть конкретным, т.е. должен давать фактическую/гражданскую/ историю, избегая всякого схематизма и социологизации. Исходя из этих положений, критика единодушно указала следующие основные крупнейшие недостатки и ошибки 1 т. "Истории древнего мира" ГАИМК:

1/ В книге обнаруживается неправильное понимание основных положений марксистско-ленинской исторической мето-

дологии, особенно учения о происхождении классового общества и государства и учения об общественно-экономических формациях, а также или незнание руководящих высказываний классиков марксизма о восточных и древневосточных обществах: или пренебрежение к этим высказываниям;

2/ в связи с этим местами совершенно игнорируется, местами затушевывается община и общинный быт, а отсюда и крестьянство на древнем Востоке, и выдвигается положение о раннем исчезновении общины в странах древнего Востока;

3/ в связи с этим древневосточное рабство изображается аналогичным античному рабству, и таким образом древневосточное рабовладельческое общество уподобляется античному;

4/ указанные неправильные установки, не находящие для себя подтверждения в фактическом материале, вынуждают автора к постоянной отвлеченной социологизации, сообразно с однообразной путанной схемой, выработанной самим автором;

5/ отсюда проистекает коренной недостаток книги со стороны фактического содержания - фактический материал постоянно заменяется "социологическими" рассуждениями, а там, где факты приводятся, часто допускается ряд сознательных искажений фактов и просто фактических ошибок;

6/ в книге обнаруживается апологетическое отношение к религии, особенно ярко сказывающееся в разделе об Израиле и Иуде, история которых излагается по богословской традиционной схеме;

7/ в книге совершенно отсутствует древняя история Индии и Китая;

8/ стиль книги небрежный и беспорядочный, весьма

затрудняющий пользование ею при прохождении курса и при подготовке к экзаменам.

Из этой сводки основных возражений критики по 1 тому "Истории древнего мира" ГАИМК видно, что эта книга оказалась непригодной в качестве учебника истории древнего Востока для вузов, и ее было необходимо коренным образом переработать.

К сожалению приходится констатировать, что "существенная переработка", сделанная акад. Струве и его сотрудниками, не коснулась существа дела. Положительные результаты переработки выразились только в том, что в книгу включены главы об Индии и Китае, что прежние главы о хеттах, Митании и Урарту заменены новыми, написанными по деловому молодыми учеными, специально работающими по этим вопросам, что теперь не видно прежнего апологетического отношения к религии, а глава об Израиле и Иуде переработана и получила научную окраску, и, наконец, что трудами т.т. Рубинштейн и Шолпо остальные главы, написанные акад. Струве дополнены фактическим материалом, исправлены стилистически и приведены в удобочитаемый вид. Но со стороны методологической все осталось без перемен по существу. Некоторые терминологические изменения оказываются чисто словесными, и по существу также и в новой редакции остаются почти все прежние методологические ошибки, указанные в первых четырех пунктах сводки критических замечаний по 1 тому "ГАИМК".

Таким образом и эту рецензию приходится начинать с методологических вопросов. Прежде всего приходится отметить, что и в переработанной рукописи сохранились прежние грубые ошибки в понимании происхождения классового обще-

ства и государства и в понимании учения основоположников марксизма об общественно-экономических формациях, сохранилось также и прежнее игнорирование основных руководящих установок Маркса и Энгельса по вопросу о характере восточных и древневосточных обществ.

Рассмотрение всех этих вопросов должно было бы найти себе место в методологическом введении, которое значится в оглавлении рукописи. Но по неизвестным причинам это введение, повидимому, осталось ненаписанным, или было самим автором признано неудовлетворительным, так как в рукописи его нет, а нумерация страниц начинается прямо с первого раздела об источниках. Однако нельзя было обойти указанные вопросы в историческом изложении. Здесь и обнаруживается, что акад. Струве или не захотел или не сумел перестроиться. Вместо изучения, усвоения и применения к истории древнего Востока марксистских положений он попрежнему путается в своих "социологических" рассуждениях каутскианского и мейеровского пошиба.

Нет ничего более ясного в учении классиков марксизма, как проблема происхождения рабства и классового государства. Но и в переработанном тексте акад. Струве попрежнему видит основу происхождения рабства и государства, на Востоке в ирригационной системе, для создания которой, якобы требовалось большое количество рабов, а для содержания последних в подчинении требовалась организованная сила. Рабов были "тысячи", принадлежали они общинам, а не отдельным рабовладельцам, "и благодаря этому члены этой общины были связаны формой общинной собственности" /стр. 123-124, 235-236/.

Такое общество с массами "коллективных" рабов акад.

Струве называет "примитивным рабовладельческим обществом". Если сюда прибавить, что по мнению акад. Струве другой, более ранней предпосылкой появления рабства в Двуречье было "излишек рыбной пищи" /стр. 122/, то вся эта якобы марксистская "концепция" происхождения рабства и государства, выдвинутая вместо подлинной марксистской концепции предстает перед нами во всей своей путанности и неприглядности.

В неразрывной связи с этими "концепциями" находится не менее странное представление акад. Струве о первобытно-общинном строе. Мы узнаем, что первобытно-общинный строй не был доклассовым. Уже в эпоху материнских родов в Двуречьи, оказывается, существовало рабство, и будто-бы уже тогда началось выделение родовой знати, а в эпоху патриархата этот процесс только усиливается. На каких данных строится эта "концепция", неизвестно; вряд ли и сам акад. Струве мог бы такие данные привести. Но неужели акад. Струве не замечает, что выдвигая эти положения, он ревизует марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях? Неужели акад. Струве не читал работу товарища Сталина "О диалектическом и историческом материализме", которая является настоящим руководством для всякого историка - марксиста? Там совершенно точно сказано, что первобытно-общинном строе "нет эксплуатации, нет классов" /История ВКП/б/ стр. 119/. Но допуская существование рабства, "общинного" или "коллективного", уже в материнских родах, акад. Струве допускает в последних уже экспозицию и классовое деление, относя в то же время подобные роды к первобытно-общинной формации!

Конечно, никакого "общинного" или "коллективного" рабства в первобытно-общинную эпоху не могло быть. Однако, акад. Струве, строго держась своей концепции "примитивного рабства" с сотнями и тысячами "коллективных рабов", распространяет ее не только на эпоху материнских и патриархальных родов, но, как было уже указано, и на эпоху первых земледельческих общин в Двуречье и в Египте - в прямую противоположность высказываниям Энгельса, что "в древних первобытных общинах с общинным землевладением рабство или вовсе не существовало, или играло самую второ-степенную роль" / Анти Дюринг, изд. 6, стр. 114/. Добавим, что о существовании подобного массового рабства нет никаких данных и в источниках. Упорно держась этой концепции, акад. Струве основной признак раннего рабовладельческого общества и государства на Востоке видит именно в "коллективном" и "массовом" характере рабства. Опять приходится предположить, что акад. Струве, не обратив внимания на указанные критиками руководящие высказывания по вопросу о характере рабства в раннем рабовладельческом обществе Энгельса /Семья, соч. т. XV, ч. 1, стр. 136-137, стр. 38-39/ и Ленина /т. XXIV, 366/, не потрудился усвоить также и руководящее высказывание тов. Сталина: "При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства = раба" /История ВКП/б/, стр. 119/.

Не изменилось ничего также и в воззрениях акад. Струве на природу древневосточного государства. В противовес ясному положению Маркса и Энгельса, что основой восточного деспотизма было общинное землевладение /Соч. М.Э., т. XXI,

т. XX1, стр. 501, Анти-Дюринг, 6 изд., стр. 129, 272

и др./, положению, на которое акад. Струве не раз указывала критика, последний упорно продолжает повторять антимарксистское каутекиантское "положение" азиатчиков о том, что основой деспотизма была ирригация, и что там, где не было ирригационного хозяйства, не было и деспотизма/стр. 130/.

По существу также неизменными остались ошибочные взгляды акад. Струве и на характер древневосточных обществ. Правда, теперь акад. Струве не делает прежних заявлений о полной аналогии между древневосточными и античными обществами. Но вместо того, чтобы перестроить свое изложение в соответствии с руководящими установками Маркса и Энгельса, акад. Струве не вносит в свое изложение никаких существенных изменений. Коренным дефектом тут, как и прежде, остается сознательное игнорирование основного положения Маркса и Энгельса о существовании на востоке неизменно "с незапамятных времен" и "в течение тысячелетий" общинного быта /Анти-Дюринг, 6 изд., стр. 115, Капитал, т. Соч. М.Э.т. XUP, стр. 395; соч. М.Э. т. IX, стр. 347-349/. Это тем более странно и удивительно, что указанные положения с особенной ясностью и исчерпывающей полнотой разработаны в недавно опубликованной рукописи Маркса "Формы предшествующие капиталистическому производству".

Игнорируя эти положения, акад. Струве попрежнему игнорирует также и указания некоторых буржуазных ориенталистов на существование общины в Двуречьи и в Палестине, и попрежнему считает, что община в Двуречьи разложилась уже в начале III тысяч./стр. 123-124/, а в разделе об Изра

О вавилонской общине -

, об израильской -

144

ле совсем об общине не упоминает. Еще более удивительно, что акад. Струве игнорирует также последние работы советских историков, появившиеся в "Историке=Марксисте"/Община в Египте/, "Вестнике древней истории"/община в Двуречье/ и в книге тов. Рановича "Очерк истории древнееврейской религии". Попутные случайные указания о существовании селской общины встречаются, как и ранее, только по отношению к Египту; но и в этом случае эти деланные механически замечания совершенно недостаточны и не соответствуют важности вопроса об общинном быте, как производственной основе и основе деспотии древнего Востока.

Мало этого, и теперь остается в полной неприкосновенности вреднейшая терминологическая и проистекающая отсюда методологическая путаница по связи с вопросом об общине. При изложении истории Сумера и Аккада и древнейшего Египта акад. Струве много говорит об общине и о "рядовых общинниках" - как будто присоединяясь к тезису Маркса и Энгельса об общинном быте. Но он или не понимает, или делает вид, что не понимает, от чем тут идет речь. Речь идет о сельских или земледельческих общинах, как основных производственных ячейках восточных обществ, основанных на соединении земледелия с ремеслом, с коллективным владением землей, но с индивидуальным /семейным/ потреблением, а в некоторых категориях общин - и с индивидуальной /семейной/ обработкой наделов /Нап.т.1 - Соч. М.Э., т. ХУП, стр. 393; т. XXУП, стр. 693-694/. Отсюда с полной очевидностью вытекает, что членов таких общин следует трактовать, как непосредственных производителей, крестьян-общинников. С особенной силой это положение подчеркнуто в работе Маркса "Формы, предшествующие капиталистическому произ-

водству". Там Маркс говорит: "Земля - вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий средства труда, и материал труда, и место для поселения, базис коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к собственности коллектива, причем коллектива, производящего себя в живом труде"/курс.Маркса, см. "Пролетарская революция", 1939, Ш.стр. 151/. Ниже Маркс указывает, что в азиатских формах эти "мелкие коллективы", или "общины" выступают, как "наследственные владельцы" земли, а право верховной собственности принадлежит "высшему единству" в лице деспота"/там же, стр. 151-152/. Акад.Струве не то не признает вообще существования подобных общин в 1У-П тыс. в Двуречье, не то отождествляет их с изобретенными им "государственными территориальными общинами", "храмовыми территориальными общинами", "городскими территориальными общинами", "вавилонской государственной общиной" /стр. 127 и след., 132, 175 /. Термин "община" здесь путает читателя вдвойне. Говоря о "рядовых свободных", "рядовых общинниках" внутри этих специфических общин и о распределении части дохода между рядовыми членами в качестве "содержания", акад. Струве как будто сближает эти общины с сельскими, - тут получается первое недоразумение. С другой стороны, определив на стр. 130 форму государственной организации в Двуречье 1У-П тысяч., как деспотию, акад. Струве здесь применяет к этим деспотиям античные термины "государственная община, городская община", в которые историки-марксисты привыкли вкладывать совершенно иное содержание, опять - таки ярко подчеркнутое Марксом и Энгельсом, как в их прежних работах/Анти-Дюринг, 6 изд., стр. 272/, так в особенности в недавно опубликованной

работе "Формы, предшествующие капиталистическому производству". Столь же неправильно говорить о "храмовых территориальных общинах". Эти общины в представлении акад. Струве являются по существу производственными, и он, повидимому, и считает эквивалентом сельских общин в древнем Двуречье. Однако это столь же неправильно и нелепо, как если бы мы задумали приравнять к сельским общинам средневековые монастырские хозяйства. Путаница здесь усугубляется еще и тем, что эти "храмовые" общины акад. Струве кое где отождествляет с государственными и городскими общинами. Правда, теперь акад. Струве уже не называет прямо жрецов "организаторами производства", получающими за это только законную часть дохода, но это вытекает само собой из его концепции, грубо замазывающей эксплуататорскую роль жречества. Такая же путаница фигурирует и в разделах, посвященных древнейшим периодам истории Египта. Там номы без всяких оговорок отождествлены с общинами /об этом см. ниже/, храмы — с номами, как храмовые общины /стр. 236/, номовое хозяйство называется "коллективным".

Таким образом в основном исходном пункте — по вопросу о неизменном существовании общины в странах древнего Востока — акад. Струве остался на своих прежних позициях. Попрежнему в этом вопросе он по существу ревизует учение Маркса и Энгельса, ревизует совершенно открыто, предлагая взамен марксистского учения свою путанную анти-марксистскую концепцию. Последняя преподносится читателю попрежнему совершенно догматическим образом, без всяких ссылок на первоисточники. Но если бы акад. Струве обратился к последним, то он нашел бы там материал

только с сельской или земледельческой общине. Некоторые западные ориенталисты не искали указаний на существование общины, и акад. Струве следует их примеру. Однако, как уже сказано выше, все же такие указания найдены и опубликованы отчасти другой группой западных ориенталистов отчасти советскими учеными.^{х/} Таким образом при желании акад. Струве мог бы теперь иначе отнестись к вопросу о сельских общинах IY-III тыс. Что же касается до тех категорий "общин", которые продолжают фигурировать в его изложении, то существование подобного рода "общин" никем, кроме акад. Струве, не признается, и не находит для себя никаких оснований в первоисточниках.

На прежних позициях остался акад. Струве и по отношению к такой основной черте общинного быта на Востоке, как эксплуатация общинников посредством выкачивания прибавочного продукта в форме ренты - налога и прибавочного труда в форме "работы на дом царя". Эта характерная черта также еще раз и с особой выразительностью подчеркнута в последней работе Маркса/"Пролет.Револ.", III, 1939, стр. 152/. Несмотря на то, что за последнее время вопрос об указанных формах эксплуатации в Двуречье получил специальное освещение^{хх/}, акад. Струве попрежнему говорит только о "налоге" со свободных, а "работы на дом царю" признает только в качестве редкого спорадического явления и преимущественно в Египте. Таким образом, молчаливо поддерживается прежний неправильный и неграмотный тезис - "на

^{х/см.} мои статьи в "Вестнике древней истории", 1938, кн. 3 и 4.

^{хх/} См. мою статью в № 2 "Вестник древней истории" за 1939 г.

древнем Востоке подлинно эксплуатируемым классом были только рабы", выдвинутой акад. Струве еще в 1934 г. И здесь приходится удивляться тому непонятному упорству, с каким акад. Струве проходит и мимо уназанной критики на руководящие установки Маркса и Энгельса, и мимо богатого материала первоисточников.

Вопрос о характере рабства на древнем Востоке является другим основным вопросом социальной истории древневосточных стран. Следовало бы ожидать, что акад. Струве, который приписывает себе честь "открытия рабовладельческой формации на древнем Востоке," обратит, наконец, внимание на ту дифференциацию восточного рабства и отличие от античного, какую подчеркивают классики марксизма, и обратится к фактическому материалу для раскрытия термина "восточное домашнее рабство". Однако и в этом отношении в переработанной рукописи не видно никакого серьезного сдвига. Попрежнему мы постоянно встречаемся с положением о "массовом развитии рабства", не подкрепляемыми никакими конкретными данными, попрежнему усиленный упор делается на развитие долгового рабства, попрежнему сохраняется уже упомянутое неправильное и необоснованное определение "примитивного" рабства, как рабства коллективного и массового. Только в нескольких случаях, как будет указано ниже, сделана попытка привлечь конкретный материал в большем масштабе, чем это делалось раньше. Но это только подчеркивает необоснованность положений Струве, ибо фактический материал, приводимый в этих случаях, отнюдь не свидетельствует о "массовом развитии рабства".

При таких условиях, конечно, не могла измениться и "социологическая" схема развития древневосточных обществ,

выработанная акад. Струве. Она заключается в том, что массовое применение рабства труда начинается в странах древнего Востока еще якобы до создания деспотических монархий, на ирригационных работах, в дальнейшем рабство растет еще больше, появляется и получает массовый характер также долговое рабство, одновременно растет ростовщический капитал и торговый обмен. Все эти условия быстро разлагают общину и превращают "свободных производителей" в бесправную и лишенную средств производства массу рабов-должников и батраков, "примитивное" рабовладельческое общество ослабевает, и гибнет под ударами завоевателей. Этот процесс повторяется якобы несколько раз в истории Двуречья и Египта, и всякий раз, когда "социальная база рабовладельческого общества катастрофически суживалась", каким то фатальным образом появлялись иноземные завоеватели, одерживавшие легкую победу над "ослабевшим рабовладельческим обществом".

Эта схема, навеянная повидимому историей классовой борьбы в Афинах V-VI в. и слегка подкрашенная "массовым коллективным рабством"/якобы на восточный лад/, для акад. Струве является, применяя выражение Энгельса, "универсальной отмычкой", которая якобы должна объяснить все, но не объясняет ничего, ибо читатель напрасно будет искать конкретного фактического материала, который каждый раз обосновывал бы применение этой схемы. Схема эта, конечно, не имеет ничего общего и с марксистской концепцией общественной истории восточных стран, согласно которой стойкое существование общинного быта

задерживало развитие рабства, как прямого, так и долго-
вого, и обусловило застойный характер восточного общест-
ва и государства. Конечно, застойность не имела абсолют-
ного характера, были моменты колебаний, были моменты и
народных движений, и историк-марксист должен дать кон-
кретное, насыщенное фактами изображение истории древне-
восточных стран, руководясь всеми основными указаниями
классиков марксизма. Как мы видим, и теперь акад. Струве
этого не мог или не захотел этого сделать. Попрежнему
его курс построен на основе его собственной "методологии"
не имеющей ничего общего с марксистско-ленинской методо-
логией.

Таковы общие методологические замечания по рецензир-
емой рукописи. Перехожу теперь к отдельным замечаниям
по разделам курса. Предварительно необходимо заметить, что
разделы курса неравноценны по содержанию и неодинаковы
по характеру изложения. Отчасти это зависит от того, что,
кроме акад. Струве, в составлении новой редакции принимали
участие еще несколько других авторов, его учеников.
Разделы последних выгодно отличаются от разделов, напи-
санных самим акад. Струве, отсутствием в них типичной для
акад. Струве социологизации и деловым характером изложе-
ния. Однако эта черта в некоторых разделах превраща-
ется в своего рода делячество, поскольку в послед-
них дается исключительно фактический материал, иногда
даже без элементарной прогматической связи. Неравномер-
ность разделов, написанных акад. Струве, зависит по видимому
от другой причины, именно от того обстоятельства, что он,
как египтолог, гораздо лучше владеет материалом по исто-
рии Египта, чем материалом по истории других стран Восто-

142

ка, и потому в части, посвященной Египту, фактическое изложение преобладает над социологизацией. Ниже, по каждому разделу будут даны замечания как общего характера, так и замечания по отдельным вопросам.

Курс открывается двумя вступительными главами об источниках и хронологии. Необходимая глава об историографии древнего Востока и теперь совершенно отсутствует. Этот зияющий пробел никоим образом не может быть возмещен десятью строками в заключении отдела об источниках о работах Эдуарда Мейера, Масперо, Кинго, Брестеда и Тураева /стр. 67/. В сравнении с первым томом истории древнего мира эти строки дают еще меньше, поскольку в них совершенно отсутствует всякая попытка критической оценки западно-европейской ориенталистики. Между тем критический обзор древневосточной историографии с марксистской точки зрения, дающий оценку ее достижений и ее недостатков, совершенно необходим в учебнике для вузов.

Глава об источниках грешит прежними основными недостатками. По-прежнему начало и широкое развитие раскопок в Двуречьи объясняется исключительно богословскими интересами западных ориенталистов. Богословские интересы без словно играли руководящую роль при начале раскопок в Двуречьи и в последующие два-три десятилетия. Но уже в 90-годах XIX в., когда сложилась ассириология как самостоятельная и огромной важности научная дисциплина, раскопки предпринимались вне всякой связи с Библией. Исключительно в интересах ассириологии были раскопаны такие крупнейшие центры как Латаш, Урук, Ларса, Ассур, Богаз-Кеой, Сенджерли, Кюльтепе, к которым после войны прибавились раскопки в Рас-Шамра, Мари, Нузи и Кише. Не

устранено также и прежнее неправильное утверждение, будто бы в Финикии и Палестине раскопки не дали "почти ничего ценного". Отсутствует обзор содержания эпиграфического материала, открытого в Двуречье и Египте. Глава дает только фактические сведения о местах раскопок и иногда об ученых производивших раскопки. Единственное замечание, характеризующее содержание эпиграфического материала, гласит, что "подписи составлялись обычно в интересах господствующего класса"/стр. 16/. Эта, якобы марксистская огульная характеристика, совершенно неправильна. Повидимому акад. Струве хотел сказать, что надписи обычно делались царями, сановниками, жрецами и другими представителями господствующего класса; но это вовсе не обозначает, что всякая надпись преследует определенную цель защиты интересов господствующего класса.

По отдельным вопросам следует сделать следующие замечания:

Стр. 16-20. Обзор библии, как исторического источника совершенно недостаточен. Непонятно, почему акад. Струве, несмотря на все указания критики, попрежнему относится формально к этому важнейшему вопросу, имеющему огромное значение не только с научной, но также и с антирелигиозной точки зрения. В обзоре нет ни истории, ни систематического изложения результатов библийской критики. Акад. Струве считает заслуживающими внимания только первые наивные попытки в области библийской критики, сделанные еще в ХУШ в. Астрюком /его он называет/, но все дальнейшее развитие и результаты библийской критики, очевидно, считаются мало-значительными. По крайней мере нет упоминаний ни об от-

критики де-Ветте, которое стало краеугольным камнем библиейской критики, ни о гениальной работе Вельгаузена, а о происхождении Пятикнижия попрежнему, согласно богословской традиции, говорится, что оно "приписывается Моисею". В отдельных замечаниях акад. Струве есть еще ряд других ошибок и недоразумений. Пора, наконец, понять все научное и политическое значение проблемы библиейской критики и дать вместо "отписки" настоящий, соответствующий современному уровню исследования, обзор истории и результатов библиейской критики.

Стр.16: Библия написана "на древне-восточном /древне-еврейском/ языке". Что хочет сказать автор этим неправильным отождествлением древне-еврейского и древне-восточного языка.

Стр.17. "Библия - ,т.е. "книга". Неверно. Библия - ,т.е. "книги".

Стр. 18. Книги Даниила относятся не ко II веку нашей эры, а ко II веку до нашей эры. Совершенно неправильно утверждение, будто "книги пророков являются записью современников". Можно только сказать, что в составе теперешних пророческих книг имеется известное количество оракулов тех пророков, имена и которых книги названы; но и эти оракулы в своей подавляющей части подверглись переработке. Из дальнейшего контекста видно, что академик Струве повидимому не знает, что кроме книг допленных пророков имеются книги послепленных пророков/ Аггея и Захарии/, и что во всех книгах допленных пророков имеются весьма значительные части, вставленные в послепенную эпоху.

Стр.19. В числе исторических книг Библии не упомянуты такие важные книги, как книга Судей и книга Езры и

Неемии. Пятикнижие, по мнению акад. Струве, представляет для нас интерес только постольку, поскольку оно сохранило "один из древнейших законов". Здесь допущена двойная ошибка. Во первых, законодательный материал Пятикнижия вовсе не принадлежит к числу древнейших сводов законов. Он относится самое раннее к IX-УП в. до н.э. и таким образом на тысячу лет моложе кодекса Хаммураби и примерно на 500 лет моложе хеттских и ассирийских законов. Во вторых, в повествовательной части Пятикнижия имеется ценнейший фольклорный материал, являющийся источником для древнейшей эпохи израильских племен, и огромный материал по истории древне-израильской религии и культа, восходящий в своей большей части к царской эпохе. Вообще, как уже указано выше, проблема Пятикнижия для акад. Струве повидимому все еще не ясна.

На тех же 18-й и 19 страницах следует отметить важную терминологическую ошибку, которая упорно повторяется во всем курсе. Именно, везде вместо правильного обозначения "Израиль и Иуда" говорится "Израиль и Иудея". Между тем Иуда и Иудея вовсе не являются тождественными названиями. Иуда - древне-еврейское имя, применяемое как к племени Иуды, так и к царству Иуды, а Иудея - античное название, применяемое к территории общины второго храма в эллинистическую и римскую эпохи.

Стр. 20-21. История Геродота написана в десяти/?!!/ книгах. Совершенно не указано, какие ценные данные дает Геродот по истории древнего Востока.

Стр. 22. Также не указано, что ценного для Востока дает Диодор.

Стр. 23. Манефон был жрецом в Гелиополе при Птолемеях

и Птолемея II и поэтому называть его современником Александра Великого и Птолемея I — неточно. Неправильна также преувеличенно высокая оценка, которую дает Манефону акад. Струве. Вряд ли можно называть сочинения Манефона "сухим и строго научным трудом, основанным на подлинных памятниках". Конечно, хронологические данные Манефона восходят к письменным памятникам, хотя и эти данные во многих случаях оказываются неточными. Но исторический материал Манефона носит частью анекдотический, частью сказочный характер и по мнению таких египтологов, как Брестед и Тураев, является весьма сомнительным. Поэтому и неудивительно, что Манефоном не пользовались такие солидные греческие ученые, как Диодор и Страбон, а пользовались только иудейские и христианские апологеты. Следовало бы указать на эти общеизвестные слабые стороны сочинения Манефона.

Стр. 49-59 посвящены истории раскопок в Двуречьи и в соседних областях. Тут прежде всего надо отметить, что колоссальный материал клинообразных документов, найденный во время этих раскопок, по существу совершенно не охарактеризован академиком Струве. Между тем для историка такая характеристика является самой главной составной частью источниковедения. По отношению к клинообразному материалу такую характеристику и не трудно было бы дать, так как в этом случае отпадает целый ряд вопросов, которые приходится затрачивать при характеристике, например, греческих и римских литературных источников. О содержании найденных памятников говорится всего два-три раза и при этом попутно, но и в этих случаях допущены странные ошибки и пробелы. Так, почему-то основным архивом документов хозяйственной отчетности считается архив, найден-

ний в развалинах Уммы /стр. 55/. Между тем находки в Умме составляют вряд ли больше 15-20% всего хозяйственного документального материала, найденного в Двуречьи. Сам акад. Струве упоминает хозяйственные архивы Дагаша и Шуруппака, которые содержат в себе гораздо большее количество документов, чем документы Уммы; кроме того, совершенно пройдены молчанием огромные хозяйственные архивы, найденные в Уре и Ниппуре, дающие материал не только из III, но также из последующих тысячелетий. Из памятников, найденных в Сузе, упомянут только кодекс Хаммураби, между тем, как там были найдены такие важнейшие источники, как целый ряд других документов из этого древне-вавилонского царства и несколько так называемых кудурру. Весьма важным пробелом является отсутствие материала о раскопках в Сиппаре и в Нузи. В последнем пункте был найден чрезвычайно важный документальный материал, характеризующий ранние формы рабовладения в Ассирии. Из мелких фактических ошибок вызывает недоумение замечание, что будто бы в раскопках Дагаша принимала деятельное участие и Германия/стр. 54/, которая в этих раскопках совершенно не участвовала.

Стр. 62. В Вогаз-Кесе был открыт не только архив хеттских царей, но также целый ряд религиозных и литературных текстов. Странным анахронизмом звучит замечание, что раскопки в Финикии не дали почти ничего ценного. Между тем на следующей же странице указано о многочисленных материалах, письменных и вещественных, найденных в Библие /Гебале/, а в главе о Финикии указаны огромной важности открытия, сделанные в Рае-Шамра. Вероятно, это недоразумение объясняется тем, что указанное неправильное общее замечание механически перенесено из 1 тома "Истории древне-

го мира", где оно вполне согласовывалось с умолчанием о раскопках в Библие и о замечании о "сомнительной ценности находок в Рае-Шамре. Теперь" переоценка" открытий в Библие и Рае-Шамра произведена, но ошибочное общее замечание осталось.

Стр. 62-63. О раскопках в Палестине попрежнему дается совершенно неправильное представление. Совершенно неверно что будто-бы библейский период освещается раскопками весьма слабо. Прежде всего письменные памятники, найденные в Палестине, почти все относятся исключительно к библейскому периоду, и число их вовсе не таково, чтобы их можно было "перечислить по пальцам", а достигает числа свыше 200. Из них 63 якобы "жалких черепки"/стр. 63/ на 62 странице самим акад. Струве названы хозяйственным архивом, на основании которого имеется уже ряд исследований по социальной и хозяйственной и административно-политической истории царства Ахаба / .
Далее имеется 103 печати, 28 мер веса и вместимости с надписями, и наконец такие три давно известные важнейшие надписи, как земледельческий календарь из Гезера, надпись на Шилоаха /под Иерусалимом/ и надпись Меша. Последняя надпись между прочим цитируется и самим акад. Струве, как чрезвычайно важный источник в главе об Израиле. К этому материалу надо прибавить найденные в 1934 г. четыре письма из Лахм-ша начала VI в., дающие материал по истории провинциального управления в Иуде. Что касается до вещественных памятников, найденных в Палестине, то также и в числе их имеется из израильской эпохи очень значительный и важный материал как по истории материальной культуры, особенно техники сельского хозяйства, так и по истории религии. Особенно важ

ные открытия были сделаны в Мегиддо /храм и принадлежности культа/. Таанахе, Гезере, Самарии, Иерихоне. Повидимому академик Струве совершенно не интересовался этими открытиями.

Таким образом, раздел об источниках нуждается в исправлениях и в весьма существенных дополнениях.

В главе о хронологии гораздо лучше изложена проблема хронологии Египта, чем хронология государств Двуречья. Основным недостатком главы является отсутствие выводов в форме хотя-бы кратких хронологических таблиц, дающих для древнейших периодов истории Египта и Двуречья наиболее важные варианты хронологических расчетов современных египтологов и ассириологов. Из отдельных неточностей следует указать неправильное замечание, будто-бы невозможно установить следование царей касситской династии /стр. 72/ ; на самом деле хронология касситской эпохи устанавливается довольно точно. Во-вторых, совершенно не затронут вопрос о древнейшей хронологической дате истории государств Шумера. На стр. 73 по истории Шумера дается только дата разгрома Шумера эламитами в конце III тысяч. до н.э.; между тем история шумерских княжеств восходит в IV тысячелетие. Правда, по вопросу о древнейшей хронологической дате истории Шумера имеются значительные разногласия, но это не может служить основанием для полного молчания. В хронологической таблице, приложенной к рукописи, имеется только одна дата для IV тысячелетия - это появление семитов в Аккаде около 3200 года. Следовало-бы дать хотя бы приблизительные даты первой династии Ура и первых царей Киша.

Глава III посвящена первобытно-общинному строю в северной и восточной Африке и Передней Азии. Глава, написанная т. Снегиревым, сейчас производит лучшее впечатление, чем в

1 томе "Истории древнего мира", Однако в ней все же остались некоторые прежние ошибки. Глава основывается попрежнему исключительно на археологическом материале, а в основу периодизации в ней положена обычная археологическая периодизация. К последней механически пристегиваются социальные этапы, и это приводит к проникновению в текст главы значительной доли схематизма. Между тем Энгельс уже давно дал подлинно-историческую периодизацию первобытно-общинного строя во вступлении к работе о "Происхождении семьи, собственности и государства". Тут Энгельс дал образец конкретного сочетания элементов техники, хозяйства и общественного строя на этапах дикости и варварства, и историкам первобытно-общинного строя давно пора принять периодизацию Энгельса к руководству. Однако в главе т.Снегирева незаметно никаких следов пользования Энгельсом, и в этом заключается одна из причин его неудачи. Другая причина заключается в том, что т. Снегирев попрежнему не привлекает фольклорный материал. Между тем только привлечение этого материала может дать возможность избежать схематизма, в особенности в истории родовой эпохи, и наполнить хозяйственные и общественные рубрики живым и конкретным содержанием. Далее, эта глава по объему своего содержания, как и раньше, не соответствует своему заглавию. Попрежнему нет ни одного слова о первобытно-общинном строе в Сирии и Палестине, хотя там был найден большой археологический материал / в том числе остатки человека неандертальского типа /, восходящий до среднего палеолита, и хотя имеются также специальные обработки этого материала /

и др.

Из отдельных вопросов следует отметить вопрос о

первобытной религии. В этом вопросе все составители курса одинаково игнорируют руководящие указания Маркса-Энгельса. Тов. Снегирев на стр. 88 относит образование религии к концу палеолитической эпохи, религиозные верования выводит из магических обрядов, тесно связанных с производством, и первой формой религии считает тотемизм, как первую религию предков. Как будет видно ниже, авторы учебника считают тотемизм древнейшей формой религии и для Египта и для Двуречья, и для Израиля, и для других стран и народов древнего Востока. Другими словами, акад. Струве и его ученики до сих пор все еще повторяют механические концепции, выдвигавшиеся в ГАИМК в начале 30-х годов, и игнорируют основное положение Маркса и Энгельса, заключающееся в том, что религия, как и философия является идеологией, что содержание этой идеологии определяется неправильными представлениями первобытных людей о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т.д. и что эти ложные представления были обусловлены низким экономическим развитием доисторического периода^х. Игнорируется также и совершенно определенное указание Маркса, что первой, наиболее грубой формой религии был фетишизм, и что культ животных был более высокой формой религии". /Соч. М.Э. т. 1, 1938, стр. 180/. Тов. Снегирев считает тотемистический культ непосредственным предшественником земледельческой религии, которая появляется будто бы сразу в форме культа великой богини-матери/стр. 100-101/. Таким образом из поля зрения т. Снегирева совершенно выпадают

^х Ср. Маркс и Энгельс, Письмо под ред. Адорадского, изд. П, стр. 311-312. Энгельс, Л. Фейербах, изд. П, стр. 77-78 и др.

такие моменты в развитии первобытной религии, как появление верований в душу и духов, религия предков, родовых и семейных, моменты, на почве которых и создается культ богини = матери=земли. Раздел о первобытной религии необходимо коренным образом переработать.

Общие замечания о характере главы - "Древняя Вавилония" были сделаны выше. Эта глава является едва ли не самой слабой во всей работе. В ней, как было уже сказано, особенно усиленно проводится специфическая социологизация акад. Струве, и, кроме того, имеется очень много существенных пробелов и грубых ошибок фактического характера.

Стр. 1919 "Из глины изготовлялись молотки" ...стр.126 Вавилон, Ворсиппа, Аккад и Киш причислены к шумерским городам.

Стр. 127. Храмовая земля приравнивается к земле общины, остальная земля была якобы разделена на наделы между крестьянами-воинами, причем некоторые группы последних получали землю в коллективное владение. Отсюда вытекает, что крестьянская община в начале III-го тысячелетия уже разложилась, и если были коллективные крестьянские хозяйства, то лишь созданные вновь сверху, распоряжением царской власти. Документальные данные ничего не говорят о подобном процессе. Напротив, в документах имеются указания на существование традиционных крестьянских общин, а раздача мелких земельных участков царской и храмовой земли, судя по документам, носила различный характер: участки давались для обработки частью рабам, частью издольщикам. Огромный документальный материал, характеризующий распределение землевладения и землепользования в Шумере первой половины III тысячелетия совершенно не использован; вместо

тов дается гипотетическая схема.

Стр. 182. Работа крестьян на храмовых землях считается работой на "общинных полях". Повторяется ошибочное утверждение, будто во дворце Уриины /Урианше/ был найден огромный "общественный дом запасов". На самом деле размеры этого дома запасов были весьма скромные - всего около 35 квадратных метров, включая и корридоры. Не использован документальный материал о количестве рабов и о применении их труда. Попрежнему натуральные доходы и налоги не признаются рентой.

Стр. 129, 130. Совершенно не использован большой материал о строительной деятельности шумерских патеси /храмы, дворцы, каналы/ и о теории божественности их власти.

Стр. 132-137. Реформы Урукатины также направлены не против рабства, а против попыток богатых членов общины поставить свободную массу в зависимое положение /стр. 135/. Таким образом фактическая характеристика реформы Урукатины не соответствует обшейвводной характеристике, которая является только отвлеченной, лишенной конкретного содержания схемой. Что касается фактического содержания борьбы, приведшей к реформам Урукатины, то здесь акад. Струве упорно повторяет свою прежнюю надуманную концепцию. Вопреки точному смыслу надписи Урукатины, выступающему даже в переводе Деймеля /основного авторитета для акад. Струве/, в Лагаше перед Урукатиной достигло самое безудержной степени грабительство крестьянства со стороны жрецов. Последние нарушили все традиционные нормы натуральных сборов и этим вызвали народное движение, на грёбне которого Урукатина пришел ко власти. Урукатина вос-

становил прежние обычаи и нормы для сборов с крестьян, а жрецам в возмещение предоставил в полное распоряжение доходы с храмового хозяйства, которое до Урукагины, повидимому, было объединено с царским хозяйством. Таков ход событий согласно точному смыслу надписи. Наперекор этому акад. Струве попрежнему изображает жрецов "пострадавшими" от палесии и правящей "зажиточной верхушки", которая, оказывается, опиралась на рабов. Реформа Урукагины, которую последний провел, опираясь на обедневших общинников, по мнению акад. Струве, заключалась вовсе не в ограничении аппетита жрецов, а якобы в восстановлении храмовой общины и в конфискации у знати рабов, которые передаются храмовой общине. Таким образом попрежнему действительный ход событий и смысл реформы подменяется субъективной гипотезой, основывающейся исключительно на социологической схеме автора. Правильно только последнее замечание акад. Струве, что Урукагина не уничтожил частной собственности. Главу об Урукагине надо написать заново в соответствии с данными первоисточников.

Стр. 145. Надо отметить, что цифры числа убитых и пленных, приводимые на этой странице, являются хвастливым преувеличением.

Стр. 147. К сожалению, акад. Струве отказывается от своего прежнего правильного положения, что в надписи Маништусу говорится о землевладении общин, и без всяких объяснений заменяет общины "богатыми семьями",

Стр. 148. Мастерские в Умме "с тысячами медных инструментов" в действительности вряд ли существовали. Здесь акад. Струве искажает смысл документов № 59 и 61 из II тома М.В.Никольского, где говорится о каких-то "станках" для столярной работы. Термин "станок" М.В.Никольский ставит под вопросом; здесь вернее всего дело идет об изготовлении каких то медных деталей для столярных изделий.

Стр. 156. Повторяется уже не раз опровергавшаяся гипотеза акад. Струве о существовании латифундии в эпоху III династии Ура. Свободные люди, привлекаемые на временные сезонные работы в царском хозяйстве, называемые попрежнему произвольно превращаются в рабов.

Стр. 158. Фрагменты судебника III династии Ура "говорят о развитой правовой мысли той эпохи". На самом деле даже в Кодексе Хаммураби не замечается "развитой правовой мысли" а в судебнике Ура выступают еще более примитивные правовые нормы, например, форма брака посредством похищения. Впрочем, повидимому, по мнению акад. Струве именно эта форма брака свидетельствует о большей высоте юридической мысли.

Стр. 164. Продажа родителями своих детей вовсе не свидетельствует о развитии рабства. Напротив, это один из первых источников рабства /ср. Маркс, в "Пролетарской революции", 1939, III, стр. 174/.

Стр. 167. Акад. Струве, следуя за реакционными ориенталистами, отождествляет Хаммураби с библейским Амрафелом. Следует напомнить, что даже такой крайний панавилонист, как Иенсен, по этому поводу сказал, что полная несостоятельность отождествления Хаммураби = Амрафал ясна для всякого "кто хоть чуточку знает древнеевропейский язык/

Стр. 168-169. Обзор содержания кодекса Хаммураби страдает ошибками и неточностями. §§ 1-5 регулируют не судопроизводство, а уголовную ответственность и уголовные наказания. §§ 26-41 говорят не об "обязанностях и правах вое-нов", а об условиях пользования полученными за службу земельными участками. §§ 42-66 регулируют не "вопросы о владении недвижимым имуществом", а так называемые арендные отношения. §§ 100-107 трактуют не о "купцах и их помещи-ках", а обеспечивают интересы дамкаров по отношению к их агентам и заемщикам. В обзоре совершенно упущены параграфы, в которых закрепляются некоторые нормы общинного права. По меньшей мере неточно замечание, что в противоположность "законам Моисея", кодекс Хаммураби сформулирован "не в теократическом, а в чисто светском духе". Во-первых, нельзя противопоставлять кодекс Хаммураби всей законодательной части Пятикнижия; кодексу Хаммураби соответствует только "Книга договора" /исход XX1,1 - XXII,17/, положение которой сформулировано в таком же "светском" духе, как и статьи кодекса Хаммураби. Во-вторых, неверно, что в кодексе Хаммураби нет ссылок на кару, ниспосылаемую богом. Акад. Струве, вероятно, знает, что в заключении кодекса имеются угрозы божественными карами за невыполнение законов Хаммураби, не менее, если не более свирепые, чем те, какие мы читаем в заключительных главах Второзаконья.

Стр. 171. Классовую направленность кодекса Хаммураби акад. Струве видит только "в антагонизме рабовладельцев и рабов". Но кодекс охраняет не только власть рабовладельцев над рабами, он не менее энергично защищает также эксплуататорские права землевладельцев и ростовщиков по отношению к их арендаторам и заемщикам из свободных.

Стр. 171-175. Термин акад. Струве толкует
 вслед за Мейсснером в качестве обозначения родовой знати,
 которая по своему положению в государстве была якобы
 вполне аналогична римским патрициям или греческим эвпат-
 ридам. Такое сближение совершенно неправильно. Во-первых,
 вавилонская деспотия вовсе не была государственной общиной
 как думает Струве, во-вторых патриции и эвпатриды управля-
 ли, а цари только царствовали и в конце концов были устра-
 ненны, а в Вавилонии вся полнота власти всегда принадлежала
 царю. надо разуместь всю сановную
 группу - и родовую знать, и жречество, и царских сановни-
 ков вообще. Далее, термин акад. Струве считает
 обозначением покоренных жителей Шумера, составлявших якобы
 группу, аналогичную жителям покоренных римлянами областей.
 Эта гипотеза также неправильна. Вопросу о значении терми-
 на посвящено несколько статей ассириологов,
 из которых наиболее интересной является статья Комба
 / 1909, № 1, стр. 73-74/. Комб сопоставляет
 значение термина в шумерийском, еврейском, си-
 рийском, арабском языках и приходит к выводу, что термин
обозначались все свободные, но незнатные люди
 - купцы, ремесленники, крестьяне и т.д. Следует отказаться
 от неправильной и искажающей историческую действительность
 аналог и между составом вавилонского и античных обществ
 и дать характеристику и на основании
 вавилонского документального материала. Кроме того, следу-
 ет исключить неправильное положение, будто частная собст-
 венность была только у , а у ее не

не было; у последних якобы и рабы и движимое имущество были в общинном владении. Этот неожиданный вывод делается акад. Струве на основании статей 15, 16, 219 и 175 кодекса, в которых говорится о рабах дворца и о рабах, а также на основании статьи 8, которая говорит о возмещении за кражу имущества дворца, храма и . И в этом случае вывод Струве очень поспешен и свидетельствует только о том, что он не потрудился проверить свой вывод по другим статьям кодекса, говорящим о рабстве. Статьи 199, 205, 217, 223 кодекса говорят о т.е. о рабах, принадлежащих . Статьи 219 и 220 говорят об ответственности врача за смерть или ослепление раба , причем по 220 статье /об ослеплении/ ответственность такая же, как и за ослепление раба по статье 199. Отсюда во-первых, видно, что были таким же индивидуальными рабовладельцами, как и , и во-вторых, что статьи, охраняющие рабов и имущество , являются новеллами, включены в кодекс специально для охраны собственности , и прежде всего, дамкаров, а также может быть и , т.е. тех новых общественных прослоек, которые выдвигаются в обществе эпохи Хаммураби и только связаны с царским хозяйством и царской службой. В заключении акад. Струве заявляет, что вавилонское общество было "более примитивным, чем общество юга", так как на юге "частновладельческое право стало преобладающим". Но именно кодекс Хаммураби самым энергичным образом охраняет интересы частных землевладельцев и ростовщиков; именно из эпохи первой вавилонской династии мы имеем множество документов о

сделках на куплю-продажу рабов, скота, земельных участков, садов, домов, а также ряд актов о разделе семейного имущества. Напротив, в эпоху III династии Ура подобных документов встречается немного. Таким образом акад. Струве здесь перевернул историческую действительность исключительно в угоду своим субъективным настроениям и с полным пренебрежением к документальному материалу.

Стр. 175-178. Вопросу о ростовщичестве акад. Струве уделяет большое внимание, так как по его мнению обмен, ростовщичество и дифференциация свободных разрушали "государственную вавилонскую рабовладельческую общину". Против этих трех "сил", якобы и было направлено законодательство Хаммураби. Выходит, что Хаммураби якобы боролся с развитием торговли, с усилением ростовщичества и защищал общину. Действительно в кодексе Хаммураби имеются статьи 53-56, которые можно толковать в таком смысле, что они ограждают поля общинников от затопления и оvine соседних частных владельцев. Но об этих статьях акад. Струве совершенно не упоминает. Что же касается до предполагаемой борьбы кодекса против развития обмена и ростовщичества, т.е. против дамкаров и купцов, то, в действительности, дело обстоит как раз наоборот. Статья 113, по толкованию акад. Струве защищает "юридическую правомочность должника". На самом деле эта статья вовсе не дает должнику автоматической защиты от произвола заимодавца, так как акад. Струве в своей передаче содержания этой статьи пропускает самый существенный пункт, говорящий, что заимодавец несет ответственность за свои произвольные действия только в том случае, если

последние будут изобличены на суде. При таком положении дела заимодавец мог безнаказанно начисто ограбить своего должника, если при этом не было свидетелей, так как суд состоял из людей его же класса и, естественно, старался использовать всякую формальную зацепку для оправдания своего брата. Статья 117, устанавливающая трехлетний срок для кабального должника, по мнению акад. Струве " в сущности уничтожала кабалу". Это также неправильно, так как здесь дело идет только об ограничении кабалы сроком. В настоящее время можно с известным правом говорить о том, что эта статья не была целиком новеллой, как до сих пор многие думали, но что она только узаконяла и унифицировала практику. Именно, из недавно открытых в Нузи документов мы узнаем, что в Нузи срок долговой кабалы определялся договором, условия которого диктовались, конечно, кредитором, и должник закабалялся либо на фиксированный срок, либо на неопределенный срок, зависящий от фиктивного или от невыполнимого условия. Рядом с такими договорами встречаются судебные акты, свидетельствующие о том, что кабальный должник, не выполнивший условия, а иногда и отбывший положенный срок кабалы, " добровольно" об'являл себя работн своего кредитора. Вряд-ли в Вавилонии положение дела было иным. Надо отметить, что и сам акад. Струве приводит ряд отговорок, из которых видно, что в сущности закон реально ограждал только жизнь кабального в доме заимодавца. Наконец, на стр. 177 делается замечание, которое в сущности уничтожает вышеприведенное положение акад. Струве. Именно акад. Струве полагает, будто законы Хаммураби относительно долгового права распространялись только, на свободных жителей города Вавилона". Это, конечно, неверно

ибо кодекс Хаммураби имел силу во всем вавилонском царстве. Но само по себе толкование акад. Струве, ограничивающее действие долгового права городом Вавилоном, приводит к логическому заключению, что вся масса вавилонских крестьян общинников и население других городов остались в полной власти ростовщиков, и что известное ограничение appetitов ростовщиков было сделано только по отношению к торговому и ремесленному населению Вавилона. Что же остается тогда от "ничтожения кабалы". Столь же неправильно толкует акад. Струве и другие статьи кодекса, касающиеся долговых обязательств. По толкованию акад. Струве статьи 49-55 и 66 запрещают "излюбленную ростовщиками операцию погашения долга путем передачи поля или сада с ожидающимся урожаем". Закон, по мнению акад. Струве, якобы "расторгает подобного рода сделки", и купец ростовщик получает из урожая только долю покрывающую долг и процент. На самом деле статья 49 говорит вовсе не о расторжении подобного рода сделок. Статья 49 говорит о передаче дамкару в обеспечение долга серебром годного для обработки поля на таком условии: заимодавец обрабатывает и засеивает за свой счет поле, собирает жатву и получает долю урожая, соответствующую сумме долга с процентами, и дополнительную долю в возмещении издержек по обработке поля; остаток берет себе должник. При таком дележе вряд ли бывали случаи, когда в пользу должника оставалась мало мальски приличная доля урожая. Статья 50 действительно отражает интересы должника, но только в том случае, если последний дал дамкару в залог уже вспаханное и засеянное поле. В этом случае действительно весь урожай с поля за вычетом долга с процентами оставался у

должника. Что касается до льгот по ссудам, то только 48 статья действительно дает отсрочку платежа в случае стихийных бедствий. Сюда надо добавить, что акад. Струве совершенно проходит молчанием статьи 101, 102, 106, которые давали ростовщикам и дамкарам право при неуплате в срок коммерческих долгов взыскивать сумму долга в двойном и даже в тройном размере. Не указано также, что по наиболее распрос траненным ссудам в зерне обычно взыскивалось 33 1/3 процента, а по более редким ссудам в серебре 25%. Все это свидетельствует о том, что кодекс Хаммураби поддерживал интересы дамкаров-ростовщиков, а не боролся против последних. Неправильно изложено также царское постановление о моратории. Имеется ввиду, очевидно, мораторий, об'явленный царем Аммисадугой. Этот мораторий вовсе не основывался на статье 48 - эта статья при указанных в ней условиях вступала в действие автоматически, - но был вызван какими то чрезвычайными причинами, связанными, вероятно, с общим разорением страны и народного хозяйства при последних царях первой вавилонской династии. Не безынтересно отметить, что мораторий, об'явленный по тем же причинам одним из первых касситских царей Каштилиашем, не распространялся на долги дамкаром /ср. стр. 4-7/. Всю эту безнадежную путаницу исправить нельзя; весь раздел надо написать заново.

Стр. 177-178. В обзоре законов о найме батраков и других рабочих акад. Струве упускает, что плату в серебре кодекс устанавливал только для постоянных работников, число которых вряд-ли было значительно. Основная масса наемников была сезонниками, и нормы их зарплаты кодексом совсем не регулировались. Акад. Струве также не указывает, что нор-

ма 10 сиклей в год для постоянных работников на практике почти не применялась. Шорр приводит только один договор на этом условии, да и тот относится к найму раба у хозяина, так что 10 сиклей тут являются не зарплатой раба, а чистым доходом рабовладельца. Все это следует уточнить.

Стр. 179-180. В обзоре статей о воинских участках имеется непонятное упущение: упоминаются земельные наделы, но пропущены сады. Общая тенденция кодекса по мнению акад. Струве тут заключается в том, чтобы защитить воинов и их владения от посягательств со стороны ростовщиков. На самом деле основная тенденция заключается тут в охране верховного права царской собственности и в обеспечении исправного отбывания царской службы воинами. Не заметив этого, акад. Струве прошел мимо всех тех статей, которые запрещают продажу, залог за долги и другого рода передачи пожалованных царем полей, садов и скота кому он то ни было, кроме дамкаров или других царских агентов, и об условиях передачи пожалованных участков по наследству. Эти основные статьи должны быть учтены и комментированы.

Стр. 180-182. Тенденцию законов о так называемой аренде полей и садов акад. Струве видит в стремлении "защитить господствующий класс свободных от разрушительного действия ростовщичества". Но господствующий класс свободных - это сановники и жрецы. Однако, в числе арендаторов таковых, судя по договорам, насчитывалось всего около 5%, а все остальные арендаторы принадлежали к трудовому населению. Свое положение акад. Струве доказывает тем, что установленная кодексом Коммураби арендная плата при урожаях сам 60 была якобы сравнительно небольшой и выгодной для арендаторов, которые, следовательно, не были эксплуатируемыми.

Однако акад. Струве умалчивает, что высокий коэффициент урожайности от сам-50 до сам-300, указываемый Геродотом, Теофрастом и Страбонсом, является значительным преувеличением, ибо на основании анализа документальных данных средний коэффициент урожайности не превышал сам-36/ т.1, стр.197/ и что годы хороших урожаев чередовались с такими годами, когда засуха или наводнение уничтожали всякий урожай. Таким образом, "выгодность" издольщины, до ходившей до уплаты $2/3$ урожая, представляется весьма сомнительной. Далее, как бы ни был высок коэффициент урожайности, основное значение для суждения о тяжести арендной платы имеет процент отчуждаемого дохода. Если половина или треть урожая поля и $2/3$ урожая сада идут землевладельцу, то нельзя не признать, что это очень высокий процент. Но кроме этой крупной доли в пользу землевладельца, арендатор должен был платить царские сборы, которые официально должны были исчисляться в размере 10%, но фактически были значительно выше. Затем приходилось определенную часть урожая откладывать в запас, на неурожайный год. В итоге получалось, что после расчета с земледельцем и с царской казной и за вычетом запаса на будущее у издольщика вероятно оставался только прожиточный минимум. Наконец, акад. Струве не указывает, что на практике 80% всех арендных договоров заключалось на условии фиксированной арендной платы, процентное отношение которой к урожаю нам в точности неизвестно, но вряд-ли было много ниже традиционных норм издольщины/преуменьшенный расчет акад. Струве ничем не обоснован/. Но зато нам известно, что в случае неурожая вследствие стихийных бедствий или каких либо других причин арендатор при фиксированной аренде не освобождался от обязательства уплаты аренды в

срок, согласно договору/ §§45,52/. Постановления кодекса Хаммураби об аренде, действительно, создавали стимул к расширению посевной площади и к освоению непригодных земель и поощряли более прогрессивные формы земледелия, но выигрывали от этого не арендаторы, а сдатчики крупные рабовладельцы. Аренда была для последних орудием эксплуатации малоземельных и безземельных крестьян, отбившихся от общины. Раздел необходимо переработать заново.

Стр.182-183-развитие рабства. Этому чрезвычайно важному вопросу посвящена всего страничка, хотя, как тут уже указывается автором, до нас дошел богатый материал, характеризующий рабство в эпоху древне-вавилонского царства. Общая характеристика рабства, предлагаемая акад. Струве заключается в том, что якобы рабы вместе с батраками составляли основную массу непосредственных производителей; но так как на стр.182 есть оговорка, что наемный труд играл сравнительно небольшую роль, то выходит, что основная масса непосредственных производителей состояла именно из рабов. Это положение противоречит и положению самого акад. Струве, что вавилонское общество было примитивным рабовладельческим обществом/стр.175/ и данным документального материала. Документальный материал, как указывает и сам акад. Струве, говорит о домашнем рабстве и о сравнительно небольшом количестве рабов, и почти не упоминает о применении рабского труда в земледелии. С другой стороны, если батраков было немного, и применение наемного труда носило по преимуществу сезонный характер, то неясно, куда же по мнению акад. Струве девались крестьяне. Если предположить, что крестьянство пауперизовалось, то безработные и безземельные пауперы должны были бы напол-

нять города - но об этом источнике молчат, молчит и акад. Струве. Вся эта путаница возникла благодаря тому, что акад. Струве упорно не признает существования общинного крестьянства в эпоху древневавилонского царства, хотя о его существовании свидетельствует и кодекс Хаммураби и переписка царя с Синидиннамом. Кроме того, из эпохи первой вавилонской династии, как и из других эпох, дошли до нас договоры о найме сезонной рабочей силы, заключаемые с общинами, а не с отдельными оторвавшимися от общины крестьянами. Об этой категории договоров, условно называемых акад.Струве умалчивает, хотя на них давно уже обращалось внимание, а в последние годы они были предметом детального исследования

и моя статья в ВДИ, №4, 1939 г. /.

Относительно рабства надо сделать следующие замечания. Во-первых, о том, что число рабов было, примерно, вдвое больше, чем рабов, свидетельствуют не только вавилонские документы, но также и документы III тысяч. и документы ассирийской эпохи. Эта черта характерна именно для домашнего рабства. Отвергая этот факт, акад.Струве должен был бы указать свои основания; однако он вряд-ли это может сделать. Далее, источники получения рабов указаны не совсем правильно. Так не существовало закона об обращении в рабство неверной жены или лиц, нарушивших закон о пользовании ирригационными сооружениями. Раздел надо переработать.

Стр. 184. Исходя из того, что в кодексе Хаммураби жрецы не упоминаются, акад. Струве заключает, что жрецы в эпоху Хаммураби еще не успели выделиться в "самостоятельную прослойку". Акад.Струве, очевидно, неизвестно, что в юридических документах и в частной переписке

117 I.

из эпохи древневавилонского царства упоминается несколько кагорий жрецов, и что жрецы по традиции в эту эпоху сохраняли за собой судебные функции. Тут же акад. Струве упоминает о храмовых доходах и доходах царского хозяйства, но совершенно не останавливается на вопросе о доходах царской казны. Повидимому, с его точки зрения таких доходов даже и не было, а жрецы и цари были такими благодетелями, что за счет храмового хозяйства обеспечивали расходы на местные нужды, а за счет царского хозяйства - общегосударственные нужды. Надо сказать, что подобная "финансовая система" на самом деле, конечно, не существовала. В действительности существовала финансовая система "ограбления собственного населения", как выражается Маркс, основывавшаяся на выколачивании ренты-налога с крестьян-общинников и на принудительных работах на дом царя. О ренте-налоге акад. Струве совсем не говорит, а принудительные работы на дом царя считает спорадическим явлением. Между тем, именно переписка царей первой вавилонской династии дает яркий и богатый материал для характеристики системы принудительных работ на дом царя. Раздел надо переработать.

Стр. 184, 185. В разделе о торговле специально о торговле ничего не говорится, хотя конкретный материал для этого в источниках имеется. В разделе подчеркивается только образование "денежного хозяйства" в Вавилонии и существование "широкого рынка, обнимавшего всю переднюю Азию, с центром в Вавилоне". В соответствии с этим положением акад. Струве утверждает, что серебро будто бы было мерилем всех цен и главным платежным средством. Все эти положения противоречат документальному материалу. Главным платежным средством

в эпоху древне-вавилонского царства является зерно; сделки о купле-продаже, ссуды, договоры с наемными рабочими в огромном большинстве случаев заключались в зерне. Это свидетельствует не о денежном, но о натуральном хозяйстве. О том же говорит и тот факт, что серебро ценится дешевле зерна. Тут еще и еще раз приходится указать, что акад. Струве предпочитает пользоваться модернизаторскими установками немецких ориенталистов, а не установками Маркса. Раздел необходимо переработать.

Стр. 185, 186. В кодексе Хаммураби перед нами якобы является картина развитого семейного права, свидетельствующая о "почетном и влиятельном положении женщины". Такая характеристика фальсификаторски идеализирует вавилонское семейное право. На самом деле семейное право по кодексу Хаммураби является типичным патриархальным правом. Нужно было бы указать на многоженство, на право мужа брать себе побочных жен и наложниц, на кару смертью неверной жены и на целый ряд других жестоких норм семейного права. Акад. Струве, умалчивая обо всех этих чертах семейного права дает совершенно неправильное о нем представление. Раздел надо написать заново.

Стр. 187. "Апперцепция" / . / норм шумерского права; очевидно, акад. Струве хотел сказать; рецепция шумерского права. Что касается до существования известного сходства между нормами Шумерского и вавилонского права, то это объясняется прежде всего сходством общественных отношений той и другой эпохи, а не заимствованием. Неизвестно, в чем заключаются более высокие нормы шумерской юридической мысли /см. об этом выше, при стр. 158/.

Стр. 188. Вряд-ли можно сказать о царях Аккада, Ура и первой вавилонской династии, что они претендовали на "мировое господство". О подчинении царем Хаммураби Сирии и Элама и о сношениях его с Египтом точных сведений у нас не имеется. Пропущен такой важный факт как завоевание царем Хаммураби царства Мари.

Стр. 188-189 наполнены стандартными социологическими схемами.

Стр. 190. О большом количестве касситских рабов и батраков в Вавилонии эпохи I династии нет никаких данных.

Стр. 190-200. Раздел о вавилонской религии состоит из мало связанных друг с другом частей, не дает цельной картины и содержит ряд ошибок. Путанность изложения дает себя чувствовать уже на 190-191 страницах, где в одном и том же предложении содержится два несовместимых положения: 1/ что в древней Вавилонии, как и в Шумере, создалось "стадия шотемизма" и 2/ что тогда существовали только "пережитки" этой стадии. Правильно, конечно, второе, так как стадия тотемизма относится к древнейшему периоду развития религии. Пережитки фетишизма отсутствуют. Собака была священным животным Гулы, а не Иштар, которая соединялась с львицей. Наделение древних богов функциями богов-покровителей земледелия в разделе связывается не с появлением земледелия, а с его ирригационной формой. В связи с этим Ану, Эндиль и Эа характеризуются как специфические боги ирригационного земледелия. Однако, в действительности, аналогичные боги неба, земли и водной стихии появляются у всех земледельческих народов независимо от земледельческой системы.

Стр. 191-192. Астральная религия в ее полном развитии, с

отождествлением всех известных в Вавилонии планет с великими богами, относится не к древневавилонской а к поздней ассииро-халдейской эпохе. В эпоху Хаммураби только планета Венера отождествляется с Иштар; остальные известные вавилонянам четыре планеты в эту эпоху фигурируют, как звезды, со своими специальными наименованиями. Эта хронологическая оговорка должна быть внесена в текст. Неграль редко фигурирует в качестве бога войны; не указаны специфические божества войны Ниниб и Иштар. Древнейшие зиккураты строились в три и четыре этажа, семиэтажная форма позднейшая. Семидневная неделя о которой говорится в разделе не существовала в древневавилонскую эпоху. В древне-вавилонскую эпоху существовали только четыре праздничных дня в течение месяца, соответственно четырем фазам луны, с неравными промежутками, именно 1, 7, 15 и 28 дни каждого месяца. Это также следует уточнить.

Стр. 193-195. Раздел о религии умирающего и воскресающего бога изложен в общем удовлетворительно. Следовало бы отметить, что Тумаз был первоначально скотоводческим богом. Иштар никогда не называется матерью Тамуза, но иногда называется его сестрой. Когда Иштар уходит в "страну без возврата", на земле начинается не "полный хаос", но только прекращается зачатие и рождение. Весьма важным пробелом является отсутствие всяких упоминаний о других земледельческих божествах. Из них следовало бы обязательно упомянуть Нинхурсаг и в особенности Нисабу. Следовало бы также упомянуть об общинных культах богов каналов и водоемов.

Стр. 195-196. Из многочисленных космогонических мифов дается только миф о творении мира Мардуком, обработанный в известной поэме семи таблиц. Следовало бы, во-первых, хотя

бы кратко упомянуть о других космогонических мифах и, во-вторых, указать, что в первоначальной редакции мифа о Мардуке в роли бога творца выступал Энлиль. Неверно, что будто бы каждая из семи таблиц эпоса о мироздании соответствовала одному из этапов творения. В действительности о сотворении мира рассказывается только в конце четвертой, в пятой и в начале шестой таблицы. Деления творения на семь этапов в течение семи дней нет и в первой главе книги Бытия; согласно последней, мир был сотворен в шесть дней.

Стр. 197. Соединение с Мардуком других богов Вавилонии относится к Халдейской эпохе. Это надо отметить в тексте.

Стр. 199. Вавилонские цари никогда не отождествлялись с Тамузом.

Стр. 200-201. В толковании эпоса о Дильмуне акад.Струве следует за Лэнгдоном, который искусственно подогнал содержание этого эпоса под схему библейского мифа о рае и грехопадении. Акад.Струве, конечно, имеет право выбирать для себя авторитет, но он должен все же указать, что толкование Лэнгдона встретило ряд весьма серьезных возражений, и что существует другое толкование, Витцеля, согласно которому эпос о Дильмуне является поэмой о сооружении первых каналов, начале земледелия и оседлой жизни в городах. Следует отметить, что в характеристике вавилонской религии совершенно отсутствуют какие бы то ни было сведения о местных культах, совершенно отсутствуют указания на эксплуататорскую роль религии и нет никаких попыток исторического подхода. Получается впечатление, что на протяжении двух тысячелетий, протекших от основания первых шумеровских царств до конца древне-вавилонского царства никаких перемен в об-

112

ласти религии не происходило.

Стр. 201-208. Эпос о Гильгамеше изложен и комментирован в общем удовлетворительно. Необходимо сделать некоторые мелкие исправления. На стр. 201 говорится, что эпос был написан на 12 "таблетках"; надо поправить "таблицах". Ни формального сходства, ни связи по содержанию между эпосом о Гильгамеше и гомеровскими поэмами нет. Деление Илиады и Одиссеи на 24 песни произведено по числу букв греческого алфавита, а деление эпоса о Гильгамеше произведено применительно к священному числу 12. В чем заключается довольно близкая связь по содержанию между тем и другим эпосом, акад. Струве не говорит и вряд-ли может сказать, ибо сюжеты поэм совершенно разные, а отдельные эпизоды эпоса о Гильгамеше находят себе греческие параллели только в мифах о Геракле; однако о последнем акад. Струве умалчивает. Кедровые леса, в которых живет Хумбаба, акад. Струве отождествляет с лесами на горах Ливан. Это неверно - Гильгамеш и Энкиду идут не на запад, а на восток, т.е. в горы Элама. Вряд-ли правилен заключительный вывод акад. Струве о поэме на стр. 208. Этот вывод связан исключительно со стандартной социологической схемой акад. Струве. Мне кажется, что в основу общих выводов следует положить анализ начатков процесса преодоления религиозного мировоззрения, в связи с чем и возникла основная идея поэмы.

Стр. 209. Об "Ирре", этой большой и художественной поэме, сохранившей даже имя автора, лучше ничего не писать, чем ограничиваться одной случайной цитатой и общей фразой, будто в мифе об Ирре нашла свое отражение борьба между народом и "старейшинами", "этими прослойками господствующего класса". Тут все неверно. Во-первых, поэма не говорит ни о какой

борьбе между народом и старейшинами, во-вторых, называть народ и старейшин прослойками господствующего класса - это значит исходить из совершенно превратных представлений о классах и классовой борьбе.

Стр. 210. "Вавилонская магия была унаследована греко-римским обществом и обществом феодальной Европы". Это совершенно неверно. Во-первых, у греков и римлян была издревле своя традиционная магия, а проникновение некоторых элементов халдейской, египетской и персидской магии в греческую и римскую религию имело место только в позднеэллинистическую и императорскую эпоху. Во-вторых, средневековое общество заимствовало не халдейскую магию, а пестрый конгломерат халдейских, египетских, персидских, арабских и ранне-христианских магических элементов.

Стр. 210-211. В разделе о предсказаниях странным образом опущена такая важнейшая область вавилонской мантики, как астрология. Этот пробел необходимо восполнить.

Стр. 211-212 - жречество и культ. Жречество якобы долгое время не выделялось в виде "самостоятельной прослойки" и якобы "все свободные вавилоняне наряду со своими профессиональными обязанностями выполняли и функции жрецов". Это неправильно. Профессиональные жрецы существуют уже в начале III тысячелетия; уже в шумерийскую эпоху мы встречаем различные классы жрецов со специальными наименованиями и функциями. Раскопки показали, что уже в III тысяч. при больших храмах были школы жрецов. Необходимо указанную общую неверную фразу заменить изложением подлинного фактического материала. Характеристика культа дана почему то только по отношению к "храмам с грандиозными зиккуратами". Между тем не менее пыш-

140
ный культ существовал в III тысяч. в Лагаше, а также и в других храмах, при которых не было зиккуратов. Нет никаких замечаний о связи храмового культа с земледельческими праздниками и о политическом значении храмового культа. Весь этот раздел необходимо переработать.

Стр. 212-219. Акад. Струве находит в древней Вавилонии и науку и философию. На самом деле в Двуречьи существовали только начатки науки, а о философии говорить совершенно не приходится. Из начатков науки получили дальнейшее развитие, притом в персидскую и греческую эпохи, только начатки астрономии. Поэтому не приходится говорить, что "древние вавилоняне достигли высокого уровня в области гуманитарных наук," что "очень высокого развития достигла математика" и развивались также медицинские знания. Более, чем смело утверждение, что плотность населения в древней Вавилонии якобы не уступала плотности населения капиталистических стран /стр. 213//, т.е., если взять для сравнения современный Лондон, - то следовательно для сравнения придется взять 14-15 тысяч человек на один квадратный километр. Математика значительно шагнула вперед только в халдейскую и персидскую эпохи в связи с развитием астрономии. Звездная карта также была создана только в позднее время; "в очень древнее время" в Вавилонии не было не только звездных карт, но и каталог звезд и созвездий был весьма незначителен. Об истории и языкознании дается десяток бессодержательных фраз. В качестве зачатков философии акад. Струве приводит, во-первых, богословно-поучительный текст о страданиях невинного человека и, во-вторых, известный диалог между господином и рабом. Но ни то ни другое произведение не является философским.

Из всех вышеприведенных замечаний ясно вытекает, что отдел о Шумере, Аккаде и древней Вавилонии должен быть местами написан заново, местами - радикально переработан. При этом автор должен, наконец, серьезно и по существу усвоить марксистско-ленинскую методологию в применении к истории древнейшего Двуречья, исправить многочисленные ошибки и дать конкретную, гражданскую, историю, а не социологизованные схемы, лишенные фактического содержания.

Е г и п е т . В основе изложения истории Египта положена также самая стандартная "социологическая" схема, как и в истории Двуречья. Но в силу того, что акад. Струве, как египтолог, хорошо знает материал египетских памятников, изложение истории Египта носит более конкретный характер, богаче фактами и поэтому производит более выгодное впечатление. Однако и в истории Египта имеются разделы, которые необходимо перерабатывать.

Стр. 230. Рассуждения об "изолированном положении" Египта неправильны. По отношению к морским путям Египет был в гораздо более выгодном положении, чем Двуречье, и это сказывается в том, что уже во второй половине IV тыс. были установлены связи с Гебалом /Библом/, а в начале III тысяч. - с Синайским полуостровом, и что достижения египетской культуры уже в конце IV тысяч. проникли в финикийский Гебел. Непосредственное соседство с пустынями также не предохраняло Египет от нашествий степняков и даже от временного подчинения им.

Стр. 235-236. Здесь начинаются стандартная схематизация и стандартные ошибки. Образование мелких сельских общин объясняется развитием рабства в связи с ирригационными сооружениями. В дальнейшем оказывается, что эти мелкие сельские общины

были ничем иным, как номами, а номы приравниваются к древнейшим "храмовым территориальным общинам", наподобие сумерских.

Стр. 248. При Менесе скот и рабы номов, по мнению акад. Струве, стали "очевидно" собственностью царя, т.е. собственностью в государственном всеегипетском масштабе. Историки о такой "национализации" ничего не знают. Однако эту "национализацию" акад. Струве распространяет и на землю и на самый способ ведения хозяйства, которое на стр. 254 прямо называется "коллективным", "сложнейшим земледельческим хозяйством, ведущимся в обще-государственном масштабе".

Стр. 248-264. Финансовое хозяйство также характеризуется как стройная система податей с движимого и недвижимого имущества, причем, как и в Двуречьи, доходы с царского хозяйства идут якобы на нужды всего Египта, а доходы храмового - номового хозяйства - якобы на нужды номов. Нет надобности доказывать, что вся эта картина весьма далека от действительной и хорошо известной картины общественной, государственной и финансовой организации Древнего царства, когда наряду с крестьянским общинным хозяйством и храмовым хозяйством появились уже и частные хозяйства, когда "подати" выколачивались при помощи военных отрядов, когда тысячи свободных сбегались на царские постройки, когда складывается наследственная жреческая и сановная знать. Отождествление храмов и номов также совершенно неправильно. Ном - это территориальное деление; в номе мог быть не один, а несколько храмов, были владения сановников, были, наконец, крестьянские деревни, управлялся ном царским монархом, а не жрецами. Странно доказывать все это. На неправильность отождествления номов

и храмов уже не раз указывали академику Струве авторитетные советские египтологи /ср. Лурье, Имунитетные грамоты древнего царства. Труды отд. Востока Гос. Эрмитажа, стр. 125 и след./.

Стр. 254-261 - "рабов, принадлежавших частным лицам в эпоху древнего царства не было"; частные лица якобы пользовались "номовыми рабами", которые были собственностью государства и давались частным лицам только в пользование. Такое общество, оказывается, и есть "примитивное рабовладельческое общество".

Стр. 256. Тут обнаруживается, что по существу акад. Струве не признает подлинной сельской общины в Древнем Египте. Акад. Струве здесь неожиданно называет крестьян, термин, которого он в других местах тщательно избегает, и говорит, что будто крестьяне получали единоличные наделы от царя. Но на 367 стр. акад. Струве неожиданно говорит о "сохранившихся крестьянских сельских общинах" и этим повергает читателя в величайшее недоумение, так как получается полная путаница: сельские общины номов, храмовые коллективные общины, единоличные наделные крестьяне и крестьянские сельские общины. Что же в конце концов было в действительности.

Стр. 258-261. Акад. Струве заявляет, что жрецы применялись на принудительных работах, а крестьяне и ремесленники в заупокойном культе являлись жрецами. Эту казуистическую и путанную попытку "доказать" отсутствие в Египте принудительных работ на дом царя как формы эксплуатации общинников, нет надобности опровергать ввиду ее смехотворной надуманности.

Стр. 262. По поводу постройки пирамид Хеопса и Хефрена попрежнему дается неправильное толкование цитаты из I тома

Капитала Маркса /см. мой отзыв о "Введении" академика Струве ко II тому "Всемирной истории"/.

Стр. 267. Причину застойности египетского общества акад. Струве видит в слабом развитии обмена. Но последнее есть следствие, а не причина застойности египетского общества.

Стр. 270. "Льготные грамоты VI века даются не храмам, а номам". О несостоятельности этого утверждения см. вышеуказанную работу Лурье.

Стр. 273-274. "Частновладельческое рабство появляется только накануне Среднего царства в результате присвоения частными лицами общинных рабов". А как же быть с Метеном, сановником III династии, получившим в составе наследственного имущества рабов.

Стр. 272-277. Подробная характеристика темного периода между древним и средним царством дана в форме отвлеченной социологизации, очень напоминающей теорию торгового капитала Покровского.

Стр. 283-284. "В эпоху Среднего царства - тысячи рабов, массы рабов". Но документальных данных о рабстве Среднего царства почти не имеется, а то, что есть, говорит об отдельных рабах.

Стр. 285. Разрушение ранне-классового общества "в связи с ростом производительных сил и распада сельских общин" начинается в конце тысячелетия. Странно слышать о разрушительном характере роста производительных сил. Что касается ~~еще~~ до процесса разложения сельских общин, то признаки его действительно в это время замечаются, и это обстоятельство является основной причиной крестьянского восстания около 1900г. Но вместо общих фраз следовало бы дать конкретный материал, характеризующий попытки разложения сельских общин; такой материал можно легко найти в документах.

Стр. 298. Акад. Струве отождествляет восстания, засвидетельствованные "пророчеством Ноффереху" и "речениями Ипувера" и датирует это единое восстание 1900 годом. Необходимо указать, что в этом процессе имеются разногласия. Эрман и Тураев относят папирус Ноффереху к началу Среднего царства, тогда будет не одно, а два восстания. Мне представляется это наиболее вероятным. В последнее время проф. Лурье выдвинул предположение, что "речения Ипувера" надо датировать также началом Среднего царства. Эта гипотеза мне представляется недостаточно обоснованной.

Стр. 334. Храмное хозяйство в эпоху Нового Царства "перестает быть частью общинного хозяйства нома и целиком становится хозяйством царя". Это положение столь же неправильно, как и предыдущее /стр. 248-264/. Храмы в эпоху Нового царства постоянно получают от фараонов дарения земельными угодиями, целыми городами, скотом, рабами, золотом и серебром и другим ценным имуществом. Все эти дарения закрепляются специальными царскими грамотами. Для чего же они были бы нужны все эти формальности, если бы храмовые хозяйства были присвоены фараонами. Следует особенно подчеркнуть, что обо всех указанных чрезвычайно многочисленных и документально засвидетельствованных дарениях, непрерывно продолжающихся на протяжении трех династий /XVIII-XX/ и закрепленных еще раз знаменитым папирусом Гарриса, акад. Струве совершенно умалчивает. А папирус Гарриса он характеризует как "льготную грамоту номам". /см. об этом ниже/.

Стр. 334-335. Положение свободных работников, занятых в царском храмовом хозяйстве, по мнению акад. Струве, "напоминает положение люмпен-пролетариев античных городов." Тут

104
упущена такая "мелочь", что античные люмпен-пролетарии были лишены работы и даже не искали работы. Сюда надо еще прибавить, что свободные работники привлекались к царским работам в порядке обычной на Востоке повинности, которое были обложены крестьянские общины.

Стр. 338. "Гегемонию Амонготена III признали царь хеттов, царь Митанни, правитель Ассирии и даже царь Вавилонии". Совершенно непонятно, на каких данных основано это заявление.

Стр. 340-358. Реформы Эхнатона изложены теперь более конкретно, чем прежде. Но все же в вопросе о социальной подкладке реформы остается прежняя путаница. Акад. Струве выдвигает на первый план ^{борьбу} Эхнатона против знати, но ничего не говорит о борьбе его против старого жречества и в особенности против жречества Амона. Совершенно не учтено, что после победы Ахмоса от старой знати остались лишь жалкие остатки, не имевшие большого влияния и что в то же время жречество Амона, благодаря щедрым дарениям царей XVIII династии, приобрело широкую экономическую базу и стало пользоваться огромным политическим влиянием. Все это твердо установленные, общеизвестные факты. Тут, как и в других случаях сказывается сознательная тенденция акад. Струве замазывать политическое значение жречества в древне-восточных деспотиях и его крупнейшую эксплуататорскую роль. В связи с этим выпадением жречества из поля зрения акад. Струве, последнему приходится прибегать к общим фразам и произвольным построениям, запутывающим читателя.

Стр. 341. "Образ Атона не имел каких-нибудь мифологических черт и представлял собою солнечный диск". Но разве обожествление солнца не есть миф.

Стр. 344. Непонятно, почему эру Атона надо считать "первой мировой эрой". Неужели акад.Струве серьезно хочет поставить на одну доску с точки зрения масштаба культ Атона и христианство или ислам.

Непонятно выражение. "Фивы были осквернены культом Амона". Не полагает ли акад.Струве, что культ Амона был "языческим", "грубым", а культ Атона - "чистым", "одухотворенным".

Стр. 346 и 358. Трудно понять, каково же было социальное положение Немху - на стр. 346 Немху - это бедняки, а на стр. 358 они рабовладельцы.

Стр. 349. "Эхнатон разбил знать". Но из конца страницы 350 вытекает, что он вовсе не разбил знать.

Стр. 354. "Рука Каргала" - надо рука "Неграла".

Стр. 362. В середине говорится о военной неспособности Рамсеса II, а в конце страницы утверждается военный талант Рамсеса II. Где же истина.

Стр. 365. Под "евреями", работающими на постройке города Рамсеса", очевидно, разумеются египетские, которых акад.Струве отождествляет с . Несостоятельность этого отождествления уже давно доказана крупнейшими египтологами.

Стр. 367-369. Состояние общества в эпоху XIX династии изображается в таких чертах, как будто только теперь появляются богатые землевладельцы из "зажиточных людей", которые "становятся господами над всеми свободными людьми". Последние, "какарендатеры", обрабатывают землю, "созданную рабами", и таким образом попадают в зависимость от крупных рабовладельцев. Получается аналогия с обществом эпохи Хаммураби в концепции акад.Струве, но с той разницей, что в эпоху Хаммураби - "аренда" была "выгодной" для держателей, а в

Египте она была орудием эксплуатации. Жречество "не было профессиональным" /.../ - но ведь наследственность жреческих должностей имеет место еще в древнем царстве. Религия "только теперь / . / приобретает значение фактора, затухающего класовую борьбу" ... Всю эту антимарксистскую путаницу надо устранить и заменить другой марксистской характеристикой, для которой имеется вполне достаточно документального материала.

Стр. 369. "Народы моря" - "авангарды греческих племен". Новая концепция "народов моря".

Стр. 371-372. Повторение прежнего произвольного толкования восстания "сирийца" /ок. 1200/ в качестве рабского восстания. Несостоятельность этого толкования, как уже не раз указывалось, видна из самого текста документа, приводимого и акад. Струве. Пора отказаться от этой ошибки.

Стр. 375. Непонятно, как может акад. Струве вопреки совершенно точному и ясному тексту папируса Гаррис, перечисляющего владения храмов богов, объявлять этот папирус "льготной грамотой номам". На какого читателя рассчитывает акад. Струве. Вместо этой общей и не соответствующей содержанию папируса характеристики следовало бы дать подробное изложение материалов этого важнейшего документа, перечисляющего земли, людей, рабов, скот и прочее имущество храма Амона и всех других важнейших храмов и вскрывающего то выдающееся положение, которое по своим владениям и богатствам занял в конце XIII в. храм Амона, т.е. его жречество. Правда тогда рухнули бы все "концепции" акад. Струве относительно землевладения, роли жречества и социально-политических отношений в эпоху Нового царства.

Стр. 379 и след. Культура Египта охарактеризована гораздо подробнее, чем культура Вавилонии. Но характер изложения — такой же, без попыток внести историзацию, или установить взаимную связанность отдельных областей культуры. Много ошибок и неправильных положений.

Стр. 379. Неправильно положение о известной "противоположности в развитии египетской и вавилонской культуры". В Вавилонии также, как в Египте, до последнего времени сохранились пережитки культуры доклассовой эпохи. Далее, выдвигается неверное положение, будто религия и в период классового общества развивала "все те же примитивные идеи", как и в доисторическую эпоху. Тут игнорируется положение Маркса, Энгельса и Ленина, что в классовом обществе в религиозную идеологию привходит и начинает играть руководящую роль обожествление сил социальных, создаются людьми новые верования, новые религиозные системы, наслаивающиеся на доисторическую основу.

Стр. 380. Фетишизм и здесь выпал из поля зрения.

Стр. 382. Отождествление Хатор и Исиды является "новым" положением; на чем оно обосновывается.

Стр. 388 — примитивная аналогия "смерть — сон" сохранилась не только в древнем Египте, но дожила и до нашего времени.

Стр. 403. Вера в загробное воздаяние была не только верой бедняков, как сказано на на этой странице, "Книга мертвых", содержащая магические формулы для оправдания на суде Осириса, давалась богатым покойникам, бедные ею "пользоваться" по бедности не могли. Упрощенное изложение следует здесь заменить более дифференцированным.

Стр. 404. Что значит "регрессивный" характер религии. Почему не сказать прямо: "реакционный".

Стр. 406. Эпос о Гильгамеше неправильно называть религиозным эпосом.

Стр. 406. Содержание "сказки о двух "братьях" излагается неправильно. В этой новелле рассказ идет не о богах, а о людях, только в основу сюжета положены мифы о богах. Заявляя, что сказка повествует о деяниях и судьбах двух богов, акад. Струве искажает ее содержание.

Стр. 406 и 410. С точки зрения акад. Струве сказки не принадлежат к разряду эпических произведений. Однако термин "сказочный эпос" является общераспространенным и бесспорным.

Стр. 425. В противоположность своему утверждению на стр. 379, здесь акад. Струве утверждает, что "египетское" общество было далеко от того застоя, который парализовал современное ему вавилонское общество". Значит, все наоборот. В Вавилонии застой, а в Египте прогрессивное развитие. Какому же заявлению акад. Струве верить.

Стр. 427. "Поскольку заупокойный культ в эпоху древнего царства еще не демократизовался, постольку искусство того периода обслуживало только царя и знать". А в эпоху среднего царства произошла "демократизация заупокойного культа", выразившаяся в том, что искусство стало обслуживать также чиновников, воинов, ремесленников". Акад. Струве понимает "демократизацию" весьма своеобразным образом. Это во-первых. Во-вторых, вообще странно говорить о демократизации заупокойного культа, так как этот культ соблюдался во всех слоях египетского народа, только форма его была разная.

Стр. 427-428. "В эпоху Среднего царства в искусстве про-

99

буждается индивидуализация, выражающаяся в создании портретных статуй царей". Однако портретная скульптура существовала и в эпоху древнего царства и достигла тогда, по мнению Масперо и Брестеда, непревзойденной живости и реализма. Возможно, что эта оценка несколько преувеличена; но во всяком случае мнение академика Струве, будто бы статуи эпохи Древнего царства "изображали тела фараонов вообще", свидетельствует только о весьма слабом знакомстве акад. Струве с египетским искусством. Реализм и выразительность портретной скульптуры Древнего царства общеизвестны.

Стр. 431. Резюмирующие замечания академика Струве о значении древне-египетской культуры очень путаны и противоречивы. Только одно положение выдвинуто четко, именно, что "общее историческое значение египетской культуры было много ниже вавилонской". Однако этот приговор совершенно неправилен. Египетское искусство достигло такой высоты, которая осталась недостижимой для вавилонского и ассирийского искусства. Влияние египетского искусства господствовало в Финикии, в Палестине, оно сказывается в произведениях искусства III династии Ура и еще более в ассирийском искусстве IX-VII века. Значительное влияние египетское искусство оказало также на греческое и римское искусство, особенно со времени эллинизма. Как известно, христианская иконопись, эта колыбель византийской, русской и итальянской живописи эпохи после возрождения, ведет свое начало от фаямских портретов. Весьма значительное влияние оказала египетская мифология на финикийскую и израильскую мифологию. Несомненно, что египетские ремесленники были учителями не только финикийских, но и греческих ремесленников. Все это достаточно общеизвестно, и странно,

что акад. Струве сбрасывает все эти факты со счетов.

Стр. 432-443. Раздел о древней Ассирии не стоит на уровне наших современных знаний об этом периоде. В настоящее время, после раскопок в Нузи и особенно в Мари, проблему происхождения ассирийского народа и ассирийской культуры приходится во многом ставить по новому. Прежде всего возникает новая проблема об участии в создании ассирийского народа и его культуры также и шумерийских элементов. Затем тексты из Нузи приоткрывают завесу над образованием ранних рабовладельческих отношений в Ассирии. Весь этот огромный материал совершенно не учтен акад. Струве, и как делали 70 лет тому назад, так и теперь академик Струве начинает свое изложение с истории ассирийских торговых колоний в Капподокии. Необходимо дополнить главу указанным новым материалом и переработать изложение вопроса о происхождении ассирийского народа и его культуры.

Стр. 432. Совершенно непонятно, какой именно характер имело древнейшее ассирийское общество. Сначала оно называется "обществом охотников, скотоводов и мелких крестьян", а через пять строк - торговым обществом".

Стр. 435. Сближение ишакку Ассур с греческим басилевсом ничем не обосновано. Вообще о функциях ишакку Ассур мы ничего определенного не знаем, знаем только,

что он был подчинен царям Аккада. Состав коллегиального органа Ассра, называвшегося , нам также неизвестен, но судя по функциям , это учреждение ничем не отличалось от финансово-административных коллегиальных учреждений городов Вавилонии в эпоху Хаммураби. Отсюда ясно, что вывод акад. Струве, будто бы политический строй ассирийского общества III тысяч. не был деспотическим, ничем не оправдан. По существу это - только произвольное утверждение автора.

Стр. 437-438. Для III тысяч. выражения "мировой рынок", "выбрасывание товаров на мировой рынок" являются голой модернизацией, противоречащей установкам Маркса.

Стр. 440. Ассирийские законы акад. Струве, в противоположность к обычному взгляду, относит, повидимоу, к XV веку и считает их изданными не царем, а городским советом. О дате законов можно спорить; но утверждение, что ассирийские законы были изданы городским советом, ни на чем не основано. Прежде всего надо отметить, что дошедший до нас текст вовсе не является судебником. Это только извлечения из полного, значительно более обширного наглядника, сделанные по определенному плану - дать сводку постановлений о семейном праве. Поэтому говорить о характере судебного в целом и тем более о власти, его издавшей, у нас нет никаких данных. Что же касается обычной на Востоке практики, то она говорит, что повсюду законы издавались от имени царя.

Стр. 442. В ассирийском семейном праве налицо не "пережитки", а черты патриархального права.

Стр. 443. - применяется стандартная схема.

Стр. 444-459. Хеттское царство. Эта глава, составленная тов. Коростовцевым, выгодно отличается от предшествующих глав ясностью и конкретностью изложения основывается на хорошем знании документального материала. Общий недостаток ее заключается в том, что автор воздерживается от всякого суждения о характерных чертах хеттского общества.

Стр. 447. Повторение о каппадокийских колониях следует исключить.

Стр. 454. Неправильно, что будто бы в противоположность вавилонскому судебнику - хеттский судебник не делает различий в свободном населении по территориальному признаку. Во-первых, кодекс Хаммураби не знает таких различий. Во-вторых, §§ 50, 51 хеттских законов/по изданию Циммерна/ проводят именно такого рода различия.

Стр. 458-459. Неправильно, что у хеттов мы впервые находим имена авторов литературных произведений. В вавилонской поэме об Ирре, относящейся к началу II тысячелетия до н.э., содержится имя ее автора.

Стр. 459. Верно, что хеттская культура не занимала такого же положения, как вавилонская и египетская, но из этого не следует, что ее нельзя называть третьим очагом древне-восточной культуры. Так, общеизвестно, что например в искусстве хетты создали свой собственный стиль, оказавший заметное влияние на израильское, финикийское и ранне-египетское искусство, что некоторые хеттские культы были усвоены в Сирии и в Ассириовавилонии.

Стр. 468-478. Характеристика касситской эпохи дается без всякого учета тех изменений, какие происходили на протяжении почти семисотлетнего касситского господства и без всяких хронологических дат, кроме начальной и конечной.

Вследствие этого получается впечатление, что например, такие памятники, как кудурру, характерны для всей касситской эпохи, хотя они относятся только к двум последним векам касситской династии. Исчезает также и совершенно ясный перелом в хозяйственной жизни и социальных отношениях, который намечается с XIV века. Есть также ряд ошибок и неточностей.

Стр. 469. Старые стандартные формулы. Заявление о развитии высшей /?/ торговли и росте торговли противоречит утверждению на 468 странице о регрессе в касситскую эпоху.

Стр. 471. Льготы большим городам существовали еще в эпоху древне-вавилонского царства.

Стр. 471-472. Неправильно, что в касситскую эпоху имело место дальнейшее развитие долгового рабства". В сравнении с десятками документов о ссудах из эпохи Хаммураби шесть документов о ссудах из архива Набу-Шарраха являются совершенно незначительной величиной, а документов о задержании неисправных должников имеется также не свыше пяти.

Стр. 472. Неизвестно, на основании каких данных акад. Струве заключает, что в касситскую эпоху было много крупных землевладельцев.

Стр. 473. Повторяется уже указанная ошибка, будто в эпоху III династии Ура и первой вавилонской династии "все платежи производились в серебре".

Стр. 473-476. Трактовка вопроса об общинах и о кудурру касситской эпохи не потерпела в рукописи никаких изменений, хотя в дополнение к прежней работе Кюка за последние два года по этому вопросу появилось специальное советское исследование. Попрежнему все общины касситской эпохи объ-

вляются новыми и касситскими, хотя среди них много общин под семитскими названиями. Попрежнему эти общины считают родовыми, хотя они неоднородны по своей форме. Попрежнему кудурру считаются "льготными грамотами", посредством которых цари будто бы приписывали жалуемые сановниками земли к храмам и тем самым оказывали населению приписанных земель благодеяние - "ибо в Вавилонии местный бог и его хранили интересы местного населения", - т.е. повторяются прежние произвольные утверждения, ибо из нескольких десятков кудурру только два говорят о пожаловании общинных земель храмам, и относятся эти кудурру не к касситской, а к III династии. Нет ничего о хищническом "отчуждении" общинных земель, о движениях общинников, хотя об этом имеется документальный материал, зато уцелел апологетический душок по отношению к религии. Эту часть главы надо переработать заново в соответствии с подлинным содержанием кудурру и с учетом вышеуказанных новых материалов.

Стр. 479-502. Глава о Финикии попрежнему является одной из слабых глав. Попрежнему в ней нет периодизации, нет хронологических данных, нет конкретной истории отдельных городов. Попрежнему в тех случаях, когда по тому или другому вопросу нет достаточного материала первоисточников, последний заменяется произвольными гипотезами в духе стандартной социологизации академика Струве. В других частях попрежнему остались прежние ошибки и прибавились новые.

Стр. 479. "Сидон" означает "город рыбной ловли". Это толкование, заимствованное у римского писателя I в. н.э. Истина, совершенно правильно отвергается Винклером /

I, стр. 437/ и признается спорным другими семитологами. Значение современного арабского названия города /Сайда/ также вряд ли может служить достаточным основанием для такого толкования.

Стр. 480. Раскопки в Рас-Шамра продолжались не один год/1928/, но и все последующие годы и не закончились еще перед началом второй империалистической войны. В перечислении находок почему то упущены религиозные тексты, политическая переписка, юридические акты, предметы искусства. О торговых связях Угарита с Вавилонией документальных данных не было найдено, но зато имеется целый ряд интереснейших находок, указывающих на торговые связи Угарита с Критом и Микенами. О последнем акад. Струве умалчивает. Раскопки дали возможность восстановить не только план и размеры города, но и отдельных сооружений - царской резиденции, храмов, укреплений, частных домов. Эти данные, в связи с памятниками быта и искусства, открывают нам возможность дать характеристику финикийского города и быта его обитателей с конца III до конца II тысяч. Следовало бы использовать этот богатейший конкретный материал.

Стр. 480 и др. Хансаней почему то не считаются семитическим племенем.

Стр. 480-481. Академик Струве забыл здесь упомянуть о сношениях Египта и Библом /Гебалом/, о которых он говорил в главе о древнем Египте. Первым выдвинувшимся финикийским городом называется Тир, а не Библ. Когда и как финикийцы "расправились" с ассирийскими колониями в Каппадокии, до сих пор никому неизвестно.

Стр. 486 - "Положение свободных" - сплошь "свободная" спекуляция. Никаких конкретных данных о ремесле не приво-

дится, хотя из Библа и Угарита имеется большой материал образцов изделий финикийского ремесла.

Стр. 487. Гибралтар - "Столп" /?/ Мелькарты.

Стр. 487-489 - финикийская колонизация объясняется перенаселением финикийских городов на почве малоплодородия финикийских областей, появлением вследствие этого в городах безработной люмпенпролетарской массы и опасениями имущих классов революционных выступлений со стороны этой беспокойной части населения. Таким образом здесь сведены воедино и перенесены в Финикию те явления, которые наблюдаются в Древней Греции в III - VI веках и в IV веке. Единственным основанием для подобного объяснения для акад. Струве служит свидетельство Аристотеля о социально-политическом строе Карфагена в IV веке, когда в Карфагене уже сложился типичный рабовладельческий способ производства с рабским латифундиальным хозяйством и сопутствующей последнему пауперизацией крестьянского населения. Между тем колонизация из коренных финикийских городов началась еще в конце II тысяч. до н.э. и носила чисто торговый характер, подобно ассирийским колониям в Капподокии; такой характер колонизации ярко очерчен у Гомера и Геродота. Сюда надо добавить, что утверждение акад. Струве о малоплодородности финикийских областей и о слабом развитии там земледелия также совершенно неправильно. Достаточно указать на то, что из Египта финикийцы вывозили хлеб не к себе, а в Грецию, и что в финикийской религии выдающееся место занимали земледельческие культы. Последнее было известно и раньше, а теперь особенно ярко подчеркивается религиозными текстами из Рас-Шамра.

Стр. 488, 492. Государственное устройство всех финикийцев

городов изображается по одному и тому же образцу - по карфагенской конституции IV в., как ее описывает Аристотель. Царская власть якобы не была деспотической, так как в Финикии не было ирригационного хозяйства; царь якобы был только "главой магистратов". Эта концепция не имеет ничего общего с исторической действительностью, как последняя нам известна из Эльамарнского архива, финикийских царских надписей, из ассирийских царских надписей, из документов Угарита, из египетских текстов и из библейской традиции финикийские цари были обычными мелкими восточными деспотами.

Стр. 492-494. Описание общественного строя и классово-борьбы в финикийских городах почти сплошь является произвольной спекуляцией автора. Восстание рабов в Тире, о котором говорится на стр. 493-494, это очевидно восстание Стратона, рассказываемое Юстином. Но последний относит восстание к персидской эпохе; кроме того, рассказ Юстина, согласно оценке Тураева, крупнейшего для акад. Струве авторитета является "вздорным".

Стр. 494. Независимость финикийских городов начинается якобы только при преемниках Рамсеса IV, т.е. в половине XII века до нашей эры. Между тем финикийские города были независимыми со времени их основания и вплоть до половины XVI века, а период их политической зависимости от Египта продолжался всего около 350 лет.

Стр. 494 и 498 - "гегемония Тира и Сидона в Финикии". Такой фактически не было, что впрочем вытекает и из замечаний самого академика Струве на стр. 398.

Стр. 495. Еврейские государства /?/ Давида и Соломона.

Стр. 496. - "финикийцы знали только бога неба и богиню

земли". Бог неба сомнителен, но совершенно несомненны бог солнца, бог грома, боги и богини растительного мира, о которых почему то не говорится. Нет также никаких замечаний об официальных городских культах.

Стр. 497. Содержание найденного в Рас-Шамра эпоса о происхождении финикиян безнадежно перепутано. Этот эпос переносит нас "на крайний юг Сирийской области в северную Аравию и к берегам Красного моря, на родину финикийцев". Каким образом "крайний юг Сирийской области", лежащий на 3-4 градуса южнее северной Аравии, одновременно может совпадать и с этой последней и с отдаленными берегами Красного моря, вряд ли сможет объяснить и сам автор этого географического определения. Что касается самого текста эпоса, то он переносит нас в Негеб, т.е. в ту часть прилегавшей с юга к Палестине Аравийской пустыни, которую библейская традиция называет

/в эпосе просто /.

Керет вовсе не город, а царь сидонян, Эдом также не город, а племя. Библейских персонажей эпос называет не несколько, а только одного Тераха. Историческое содержание эпоса, которое имеет огромное значение для восстановления древнейшей истории Финикии, акад. Струве совершенно упустил. Что касается до цитаты из Энгельса, то она имеет в виду, конечно, не сказания, открытые в Рас-Шамра, которые при жизни Энгельсатнику неизвестны, а библейские сказания. Содержание других текстов, открытых в Рас-Шамра, изложено в таком скомканном и запутанном виде, что даже человек, знакомый с этим материалом, не сможет тут ничего понять.

Стр. 499. В обзоре финикийского культа Акад. Струве почему то ограничивается главным образом описанием челове-

ских жертвоприношений, игнорируя хорошо нам известные земледельческие культы, как знаменитые празднества в честь Адониса и Аштарты, так и культ Алейн Ваала, и других земледельческих богов Угарита.

Стр. 500. Аналогии между религиозными текстами из Рас-Шамра и библейскими текстами акад. Струве находит там, где в действительности их не имеется. Ни к псалмам, ни к мифам о творении и потопе тексты из Рас-Шамра никаких параллелей не дают. Чем делать такие произвольные заявления, лучше было бы совсем ничего не говорить по этому поводу. Это тем более странно, что по этому вопросу еще в 1937 году вышла работа Дюссо, из которой акад. Струве мог бы заимствовать точный материал. О финикийском искусстве дается десяток строк общего содержания; между тем уже давно имеется богатый конкретный материал, в последнее время значительно увеличившийся в результате открытий в Библие и Угарите.

Стр. 500, 501. Замечания о надписи Эшмуназар являются сплошным недоразумением. Выходит, что мы не знаем точно, когда жил Эшмуназар; между тем он умер около 450 года. Надпись его, конечно, была составлена не им - мертвые о себе надписей не составляют. Из надписи видно, что Эшмуназар умер молодым, но после четырнадцатилетнего царствования вряд ли он был малолетним. Никакого "завещания городу Сидону" в надписи не содержится.

Стр. 502. Происхождение греческого алфавита из финикийского доказывается только названиями букв греческого алфавита, но основное доказательство - полное сходство начертаний и ряда значений финикийских и ранне-греческих букв - не приводится.

Стр. 503-530. История царства Израиля и Иуды /только в этом заголовке употреблен правильный термин - Иуда, везде в других случаях фигурирует Иудея -/см. об этом выше/ изложена теперь значительно лучше, чем в первом томе "История древнего мира". Устранены прежние богословские установки, имеется гораздо больше конкретного исторического материала и устранены некоторые грубые ошибки. Однако все прежние социологические установки - отрицание общины, ренты - налога, работ на дом царя, преувеличение развития до нового рабства - остались без изменений. В связи с этим находится другой существенный недостаток главы, заключающийся в том, что в ней чрезвычайно слабо использован материал библейской традиции, касающийся социальных отношений и социальной истории царств Израиля и Иуды, а также и указанный раньше эпиграфический материал такого же содержания.

Стр. 503, 504. "Наши знания по истории древнееврейских обществ полны противоречий". Этот пессимистический вывод опровергается дальнейшим изложением самого академика Струве, в котором приводится целый ряд точно установленных и общепризнанных фактов. Чрезвычайно странно звучит также заявление автора, что по отношению к археологическому материалу "нельзя даже установить, что относится к доисторическому периоду и что к периоду истории Израиля и Иуды". Так может говорить только человек, который не читал даже самого краткого обзора археологических открытий в Палестине. В действительности датировка археологического материала установлена в огромном большинстве случаев совершенно точно. Странно также замечание, что "выводы из памятников материальной культуры даются с большим трудом". Почему же акад. Струве

87

не испытывает таких затруднений при пользовании памятниками материальной культуры других древне-восточных народов? Наконец, заявляется, будто "установить на основании библии, что было в действительности и в какое время было то или другое событие, зачастую невозможно". На чем же тогда основаны фактические данные и хронологические даты, сообщаемые на следующих страницах самим же акад. Струве?

Стр. 504. Древнейшим населением Палестины были якобы хананеяне, которых акад. Струве не считает семитами. Это заявление можно объяснить только полным незнанием автора с работами, посвященными доисторическому периоду Палестины.

Стр. 506. Термин колено сначала толкуется в смысле родовой общины, а на следующей строчке в смысле племени. Вернее, конечно, последнее. Тут же мы узнаем, что книга Судей входит в состав Пятикнижия!

Стр. 507. О неправильном отождествлении "аперу" с Хабир уже было сказано выше.

Стр. 508. Дебору вряд ли можно называть пророчицей. Она "мать во Израиле", т.е. другими словами, она стояла во главе какого то из израильских племен, еще не вышедшего из стадии материнских родов.

Стр. 510. "Филистимляне взяли религиозный центр Израиля "Силоам". Силом /а не Силоам/ вовсе не был религиозным центром Израиля; такого центра фактически не было вплоть до конца царской эпохи.

Стр. 511-512. Повторяются необоснованное обвинение Давида в причастности к гибели Саула и грубая ошибка, будто Веспасиан и Тит осаждали Рим "несколько лет" - вместо дей-

ствительных пяти месяцев.

Стр. 513. "Давид приобщает Палестину к средиземноморскому рынку". Непонятно, откуда взято это известие.

Стр. 513, 514. Говорится о "союзе Соломона с Финикией, между тем, как в действительности были только кабальные договоры Соломона с царем Тира Хирамом. О стоянках на караванных путях и таможах на границах, якобы установленных Соломоном, библейская традиция ничего не знает; зато акад. Струве ничего не хочет знать о конкретном материале относительно торговли Соломона, сухопутной и морской, имеющемся в I кн. Царей. Также из традиции ничего неизвестно о "новых обрядах", установленных Соломоном и о проведенной им "централизации культа". Иеровам вовсе не был надзирателем по постройке Иерусалимского храма и также не был "управителем одного из податных округов". В последнем случае акад. Струве допускает сознательную фальсификацию, вытекающую из его общих установок. В действительности Иеровам был поставлен "над всеми работами дома Иосифа" /I Цар. XI 28/. Термин , употребленный здесь, означает принудительные работы на дом царя. О помощи Иероваму со стороны Египта Библия ничего не говорит.

Стр. 517. "Самарию сделал столицей царь Надаб". Даже стыдно поправлять такую элементарную, грубую ошибку.

Стр. 517-518. "Развитие денежного хозяйства в Израиле и катастрофическое разложение свободного населения"- отдает Каутским /ср. , 219-221/.

Стр. 518. Изложение прав царя восходит по всей вероятности, еще к эпохе Соломона. Подлинное значение этого текста не раскрыто в учебнике.

Стр. 519-520. Характерную подробность, что царь Меша взял в городе Небо только рабынь, а не рабов, акад. Струве объясняет тем, что Небо был пограничным городом и потому там опасно было держать рабов. Это объяснение, конечно, притянута за волосы с целью отвертеться от действительно-го положения дела. На самом деле для восточного домашнего рабства характерно численное преобладание рабынь над раба-ми, документально засвидетельствованное шумерскими, вави-лонскими и ассирийскими документами. Очевидно в Небо рабов было так мало, что Меша не счел нужным о них упоминать, но акад. Струве, не признающий установок Энгельса, ищет друго-го объяснения.

Стр. 521-523 - пророки УШ и УІ века. А где же пророки ІХ и УП века? Вообще раздел о "пророческом движении" попре-нему неудовлетворителен. Прежде всего самый термин "проро-ческое движение" - неправилен. Не было никакого специаль-ного пророческого движения: были в ІХ-УП вв. народные движения, в которых принимали участие отдельные пророки. Эти пророки народные, с которыми не следует смешивать официальных или царских пророков. Последние были не "у некоторых", а у всех царей Израиля и Иуды, по крайней мере начиная с ІХ ве-ка. Следова-ло бы провести четкую дифференциацию пророчеств в этом направлении. В особенности необходимо разъяснить вопрос, совершенно не разъясненный акад. Струве, именно к какой группе относятся те пророки, имена которых известны нам из кн. Царей и из пророческой литературы, в особенност-и т. наз. "великие" пророки /Иасия, Иеремия, Иезекииль/. Это разъяснение необходимо для разоблачения фальшивого характе-ра идеализации т. наз. великих пророков, проводимой богосло-

вами и иудейскими националистами. Относительно распространности пророчества следовало бы указать на факты из финикийской религии /у ну-Амон/, из арабской и вавилонской религии. Верно, что основной формой пророческой мантики была экстатика; но пророки не брезгали и толкованием снов, и видениями. Это очень важно отметить. В числе приводимых ак. Струве оракулов имеются только обычно цитируемые общие оракулы из кн. Исаии, принадлежность которых самому Исаию спорна. Следовало бы дать оракулы, уцелевшие от подлинно народных пророков /см. мою статью "Мотивы крестьянского мессианизма в пророчестве VIII в."/ и остановиться специально на роли проповеди мессианизма в классовой борьбе VIII в. Не отмечено также участие официальных пророков в направлении царской политики, внешней и внутренней, в IX-VI веках.

Стр. 523. Проповедь пророков свидетельствует о "полном торжестве ростовщичества". Но в приведенных тут же цитатах из пророков ни одного слова о ростовщичестве нет. В VIII в. в выступлениях пророков, якобы, исчезают черты шаманизма. Это совершенно неправильно. Пророческая экстатика засвидетельствована и книгой Иеремии, т.е. для начала VI века и книгой Исаии для середины VI века /из так наз. Второго Исаии/.

Стр. 524. - "Пророки удерживали господствующий класс от хищничества проповедью мессианизма". Совершенно наоборот: проповедью мессианизма удерживались от классовой борьбы угнетенные. Следует здесь также отметить, что о хороших засвидетельствованной сельской общине и о расхищении общинных земель акад. Струве совершенно умалчивает, и весь социальный кризис VIII-VI века сводит только к развитию долгого рабства.

Стр. 525. Ошибочно утверждается, что будто в процессе завоевания северного царства ассирийские войска не доходили до царства Иуды; рекомендуется акад. Струве посмотреть повнимательнее соответствующие главы II книги Царей.

Стр. 526. О Второзаконии акад. Струве имеет также не-правильное представление. Термин "Второзаконие", как название пятой книги Пятикнижья, не разъяснен, а предлагаемый акад. Струве термин "второй закон" наводит читателя на мысль, что "первым законом" был "закон Моисея". Между тем хотя бы здесь следовало бы упомянуть о "книге договора" и кстати дать хоть краткий обзор истории израильско-иудейского законодательства. Далее, Второзаконие характеризуется как новое социальное законодательство в пользу угнетенных. Между тем те части Второзакония, в которых говорится о желательных мерах для облегчения положения народной массы, вовсе не являются законодательными текстами. Это - либо проекты, либо благие пожелания, не имевшие никакой обязательной силы. Самое же основное ядро Второзакония - предписания о централизации культа - совершенно не отмечено, как не отмечена и централизаторская реформа культа, проведенная царем Иошией. В этом случае акад. Струве остается верен своим богословским тенденциям. Он предпочитает следовать фальсификаторской книге Хроник Xперсидской эпохи: согласно которой после построения Соломонова храма якобы исчезли все местные святилища, и которая в полном соответствии с этим также умалчивает и о религиозной реформе царя Иошии. В данном случае акад. Струве, сознательно или бессознательно, солидаризируется с реакционными богословами открывшими в первой четверти XX в. ожесточенную атаку против основных бесспорных результатов библейской критики.

В советском учебнике подобных "ученых" надо разоблачать, а не протаскивать втихомолку их "установки"

Стр. 529. Никакого энтузиазма народных масс в 586 год как и раньше, не было. Иеремия был освобожден только халдейским наместником после взятия Иерусалима, а не во время осады.

Стр. 530. Что значит выражение "некоторая независимость"

Стр. 531-538. Раздел об израильско-иудейской культуре начинается замечанием, что благодаря тому влиянию, которое иудаизм оказал на христианство, библейские мифы и легенды находили огромное распространение во всем мире, и что поэтому "очень интересно и важно проследить корни древне-еврейской религии и литературы". В этом замечании не договорено самое важное. Во-первых, иудейская религия не ^{оказала} столько влияние на христианство - она была одним из идеологических источников христианства, и христианство усвоило целый ряд иудейских верований и даже обрядов, рядос м заимствований из других древних религий. Во-вторых, сам по себе иудаизм является одной из современных весьма влиятельных религий. В-третьих, основная задача науки по отношению к исследованию древне-израильской религии заключается в том, чтобы богословской и националистической концепции этой религии противопоставить подлинное изображение последней, заменить фальсификацию исторической правдой. Раскрытие корней израильской религии и литературы является только частью этой основной общей задачи. Следует отметить, что акад. Струве теперь воспринял некоторые результаты критического исследования библии в области истории израильской иудейской религии и литературы. Но, во-первых, его изло-

жение, в особенности по отношению к религии, чрезвычайно кратко и не заострено критически, и, во-вторых, написано очень небрежно, с целым рядом ошибок и неточностей.

Стр. 531. Тут проявляется опять упорное нежелание признать огромное значение археологических открытий для реконструкции подлинного содержания израильско-иудейской религии. Достаточно указать хотя бы на то, что в области основного вопроса, вопроса о политеистическом характере израильско-иудейской религии именно археологические данные нанесли окончательный удар легенде об изначальном еврейском монотеизме. В Гезере, Таанахе и Мегиддо найдены изображения растительных и других божеств израильской эпохи, а в Сихеме, Мегиддо, Мицпа /Массифе/, Бет-Шемеше и Самарии были найдены развалины храмов израильской эпохи, посвященных разным богам, в дополнение к известным из библии храмам в Силоме и Нобе. Как всегда, акад. Струве в первую очередь выдвигает пережитки тотемизма, совершенно игнорируя чрезвычайно характерные для израильско-иудейской религии фетишистские культы. Культ ягненка сомнителен; напротив о почитании льва сохранились не намеки, а весьма характерные факты. Не указана связь культа определенных животных с определенными племенными культами /напр. лев - Иуда, бык - Иосиф, змея - Дан, осел - Иссахар, овца - Рахиль и др./ . В описании первоначального ритуала пасхи не указан его коренной составной элемент - умилоствление духа - губителя кровью пасхального ягненка и тем затушевывается основной характер праздника.

Стр. 532. Пасха не была "заменена" земледельческим праздником опресноков. Этот последний возник самостоятельно и в УП веке был искусственно соединен с пасхой. В числе

священных деревьев упоминается сомнительный гранат, но отсутствует несомненная пальма. Какие обряды плодородия были связаны с культом дерева - неизвестно. Культ ашеры объясняется, как культ дерева - это объяснение ровно ничего не объясняет. Массеба - это каменная стела, а вовсе не гора. Культ массеб был связан с одной стороны с культом мейтвях, с другой стороны - с солнечным культом, и в этих формах он имел широкое распространение также у финикиян. Об этих общеизвестных фактах автор умалчивает. В настоящее время выяснено, что были определенные, носившие собственные имена, божества солнца и растительные божества. Эти данные следовало бы добавить. Праздник опресноко - это не праздник созревания хлеба, а праздник начала жатвы /опресноки делались из муки, смолотой из зерен первых скатых колосьев/. Праздник жатвы первоначально не был фиксирован точным сроком и совершался по окончании жатвы. Осенний праздник был праздником сбора не только винограда, но и остальных плодов. В царскую эпоху это был самый главный праздник и на нем следовало бы остановиться подробно, в особенности на его магических обрядах обеспечения будущего урожая. Пропущен такой важный праздник, как осенний де очищения /

/ . Нет никаких указаний на официальные "царские" праздники, совершавшиеся в иерусалимском храме.

Стр. 532-533. Неправильно считать всех ваалов ханаанскими. Ваалы - это местные боги, в том числе общинные божества; в их числе было немало израильских и иудейских ваалов. Такими были упомянутый в рукописи Ваал - Берит в Сихеме, Ваал - Гаад, Ваал - Иегуда, Ваал - Тамар и многие другие.

79

Стр. 533. Из сделанных выше замечаний видно, что наряду с культом Ягве существовали культы не только иноземных, как указано акад. Струве, но и местных израильских и иудейских богов. Следовало бы указать, что в противовес Ягве и его супруге Анат / о ней не говорится / в Самарии были выдвинуты свои официальные боги. О централизации культа при Иошии и здесь ничего не говорится.

Стр. 534. Следует указать, что "традиция общенародной легендарной истории" была создана последней редакцией Пятикнижия в V веке. В кн. Бытия имеется не два варианта мифа о творении в шесть дней, а два разных мифа о творении. Неверно, что Ягве были приписаны все эпизоды борьбы Мардука с Тиамат. На самом деле в псалмах имеется только прославление победы Ягве над морским драконом.

Стр. 535. Библейский миф о потопе вовсе не совпадает буквально с рассказом Утнапиштима, но является сокращенной, бледной и схематической передачей вавилонского мифа. Неверно, что в царскую эпоху в культе исчезли жертвоприношения детей. Напротив они засвидетельствованы исторической традицией /I Цар. XVI, 34, II Цар. XXI 6/ и археологическими данными.

Стр. 537. Имя "Самсон" объясняется, как вавилонский Шамаш. Это совершенно излишне, так как имя Самсон - Шимшо в еврейском произношении происходит от еврейского Шемеш - солнце. Самсон - солнечный израильский герой, не заимствованный извне.

Стр. 537-538. Вопрос о происхождении псалмов разрешается весьма просто - будто псалмы восходят к прото-финикийской литературе. В действительности дело обстоит не так

73
просто. Во-первых, содержание псалмов чрезвычайно разнообразно, и нельзя сводить их только к молитвам и восхвалениям бога. Во-вторых, псалмы являются литургическими текстами, составленными для нужд культа в иерусалимском храме. Что касается до заимствования целых псалмов из вавилонской и финикийской ритуальной литературы, то до сих пор таких не указано; но есть пс. 104, являющийся сокращенным вариантом гимна Эхнатона Атону о чем акад. Струве умалчивает. Бесспорно имеется только родство в стиле и в некоторых формулах с вавилонскими молитвами, и это дает в некоторых случаях право говорить о подражании. Загадочным является замечание, что корни псалмов можно найти вообще в семитском фольклоре. Если тут акад. Струве имеет ввиду магические формулы, то следовало это сказать прямо. Замечания о псалмах должны быть переработаны в соответствии с современными данными.

Стр. 538. Из текста вытекает, что Песнь Песней написана Соломоном; но авторство Соломона уже давно отвергнуто. Следовало бы указать на тот общепризнанный вывод, что Песнь Песней является сводом обрядовых свадебных песен, т.е. восходит к древне-израильскому фольклору. В разделе о литературе не хватает характеристики целого ряда весьма важных произведений: исторической литературы, поскольку книга Судей, Самуила и Царей в своей основной редакции были составлены еще в царскую эпоху, пророческой литературы в тех ее частях, которые восходят к царской эпохе, и такого замечательного произведения, как книга Когелет. Следовало бы также дать суммирующую сводку финикийских, египетских и вавилонских влияний в древне-израильской литературе. Кроме того,

77

глава о культуре должна быть дополнена разделом об израильско-иудейском искусстве, образцы которого теперь, благодаря раскопкам, у нас имеются уже в достаточном количестве.

Стр. 539-543 - Ассирия в IX веке. Вступительное замечание сформулировано так, что получается впечатление, будто в конце XI века не только хеттское государство, но и Египет и Ассирия перестают существовать, как самостоятельные государства. Эту неловкую формулировку необходимо исправить. Причины войн, которые ведет Ассирия в IX веке, акад. Струве видит, по видимому, исключительно в страсти ассирийских царей к завоеваниям. В действительности на первых порах тут играли чрезвычайно важную роль потребности защиты самостоятельности Ассирии от посягновений со стороны Урарту и даже может быть Дамаска.

Стр. 541. Акад. Струве никак не может решить, кто остался победителем в 854 году, Салманассар III или израильско-сирийская коалиция. Рекомендует акад. Струве обратиться к черному обелиску Салманассара.

Стр. 542. Дань с побежденных якобы назывались
т.е. тяжелая дань. Это неправильно. Термин - только ; прилагательное
в царских подписях употребляется только в некоторых случаях, чтобы подчеркнуть тяжесть репрессии.

Стр. 543. Стандартная схема.

Стр. 544-571. Глава об Урарту, написанная т. Пиотровским, производит хорошее впечатление. Возможно, что специалист мог бы указать в ней какие либо ошибки и неточности, я же, будучи специалистом в этой области, от высказывания некоторых возникших у меня сомнений и вопросов воздерживаюсь.

Стр. 572-599. "Ассирийское мировое государство". Можно было бы точнее сказать "великая ассирийская военная держава". Глава содержит главным образом внешнюю историю ассирийской державы. Большой материал переписки ассирийских царей этой эпохи, юридических документов и других официальных актов, который позволяет дать развернутую характеристику ассирийского общества эпохи VIII-VII вв., совершенно не использован. Точно также нельзя ограничиваться по отношению к ассирийской культуре одной страничкой общих фраз.

Стр. 572. С 745 до 727 года царствовал Тиглат Пилесер IV, а не III. Эта поправка была учтена еще Тураевым.

Стр. 576. Палестина - "могущественное государство"?

Стр. 577. О рабстве в Ассирии дается всего десять абзацев. О больших рабовладельческих мастерских, о которых упоминает акад. Струве, документы ничего не говорят; но зато о тех формах применения рабского труда, которые зафиксированы документально, ничего не говорит акад. Струве.

Стр. 577-578. История весьма краткого и мало известного царствования Салманассара V излагается акад. Струве очень подробно. При этом он основывается за недостатком подлинных документальных данных с одной стороны на весьма сомнительных сообщениях Иосифа Флавия/война с Тиром и израильским царством/, с другой стороны - на своем домысле/отмена привилегий храмом/. О семейном заговоре против Салманассара жертвой которого последний якобы пал, ассирийские хроники ничего не знают.

Стр. 579. "Социальная политика Саргона проводилась в интересах не "зажиточных" слоев, а в интересах тех ком

дующих элементов ассирийского общества, которые перечислены на странице 580.

Стр. 582 и 584. Погром Вавилона Санхерибом объясняется чрезвычайно упрощенно. Санхериб, это якобы солдатский царь ненавидящий Вавилон, где "издревле сложилось господство рабовладельческой торговой знати". В угоду этим предпологаемым "демократическим" мотивам автор пренебрегает действительными фактами, побудившими Санхериба к его выступлению против Вавилона, а именно соперничеством вавилонского и ниневейского купечества, сепаратизмом Вавилона, вмешательством в ассирийско-вавилонскую борьбу Элама и халдеев.

Стр. 586. О появлении при Асрхаддоне металлических монет до сих пор ни одному ориенталисту ничего неизвестно.

Стр. 590. "Блестящий расцвет денежного хозяйства у ассирийской державе сопровождается появлением монет кроме Сирии также в Лидии, западной части Малой Азии и даже в Вавилонии". Тут соответствует исторической действительности только появление монет в Лидии.

Стр. 591. Из изложения акад. Струве следует, что ассирийяне выкачивали прибавочный продукт будто бы только из покоренных. Однако имеются документальные данные о взимании налогов - налога также и с ассирийского населения.

Стр. 594-595. Характеристику ассирийской культуры акад. Струве начинает с заявления, что "ассирийская культура не создала ничего самостоятельного и оригинального ни в религии, ни в литературе, ни в искусстве". К счастью это совершенно неправильное утверждение через две строчки начинает опровергать сам же автор, ибо в дальнейшем правильно ука-

вается, правда, в общей форме, ряд крупнейших достижений
ассирийского искусства и литературы. Как уже указывалось
выше, раздел о культуре надо конкретизировать и расширить,
включив в него материал об ассирийской религии, архитек-
туре, военной технике и о развитии астрономии.

Стр. 600-670. Глава о Ново-вавилонском царстве написана
гораздо лучше, чем глава об Ассирии. Основным недостатком
тут является, как и в других главах, отсутствие мате-
риала о сельской общине. Но если по отношению к Ассирии
этот дефект еще извинителен, поскольку документальный
материал об ассирийской общине целиком еще не приведен к
известности, то по отношению к Халдейскому царству такое
извинения не может быть - общинная основа халдейского ца-
рства уже документально показана.

Стр. 601. Не только вавилонскую культуру, но и всякую
древне-восточную культуру можно назвать в известном смысле
теократический.

Стр. 602. К халдейским торгово-ростовщическим домам
попрежнему применяется модернизаторский термин "банки".

Стр. 603 и сл. Акад. Струве весьма одобрительно отзы-
вается о некоторых историках позднего Вавилона, которые по-
черкивают сходство между халдейским Вавилоном и Римом со
стороны исключительно широкого развития рабства, и в кач-
естве образцовой приводит характеристику Майсснера. Следу-
ющему акад. Струве на последующих страницах постоянно
ссылаются на параллели из римского рабства. Но вся беда
Мейсснера и других ассириологов того же направления заклю-
чается в том, что они либо не видят, либо игнорируют общин-
ное крестьянство, хотя при такой точке зрения остается совер-

73

но неизвестным, кто же был основным производителем в сельском хозяйстве халдейской эпохи. Акад. Струве смелее Мейсснера, и хоть в придаточном предложении, но все же вернул на стр. 606 словечко о рабских латифундиях в халдейском Вавилоне. Но о существовании таких латифундий документы ничего не говорят. Надо сюда прибавить, что нет также и документальных данных о крупных промышленных мастерских с применением рабского труда. Мейсснер, которому и здесь следует акад. Струве, ссылается на документы, изданные Ценпфундом; но из этих документов лишь один может быть предположительно истолкован в качестве свидетельства о применении рабского труда в ткацких мастерских. Термин которым названы в этом документе три рабочих, Ценпфундом толкуется в значении "подмастерье"; но Мус-Арнольд /и за ним Мейсснер/ считает возможным значение "раб". Таким образом вопрос очень спорный.

Стр. 609-612. В обзоре строительной деятельности Навуходоносора отсутствует чрезвычайно важный момент, именно указание, что строительные работы были произведены трудом свободных рабочих, согнанных из покоренных стран и из самой Вавилонии. Очевидно этот общеизвестный факт не приведен потому, что он идет в разрез с излюбленными "установками" автора.

Стр. 611 и 612. "Психологическое" объяснение происхождения библейских мифов о построении вавилонской башни и об "строках" в вавилонской печи" совершенно искусственно и смехотворно.

Стр. 615. Централизация культа, которую по заявлению акад. Струве якобы провел Набонид, в действительности не имела

места. Тут перед нами опять произвольный домysel акад. Струве. На самом деле Набонид был ревностным реставратором древних местных культов, которые он восстановил в Уре, Ларсе и Сиппаре. В последнем году своего царствования ввиду военной опасности Набонид приказал перенести в Вавилон статуи богов из области Аккада, которой угрожали мидяне; но при этом вавилонская хроника подчеркивает, что из ближайших к Вавилону городов боги перенесены не были, и вообще ничего не говорит о прекращении местных культов.

Последние главы учебника посвящены истории Персии, Индии и Китая. Тут прежде всего следует заметить, что написание этих весьма трудных и ответственных глав следовало бы поручить специалистам, так как только таковые могут быть в курсе всех сложнейших и запутанных вопросов древней истории этих стран. В рукописи в главе о древней истории Персии, написанной акад. Струве, все темные вопросы разрешены очень просто, посредством построения субъективных гипотез в соответствии с социологической схемой автора. В главах об Индии и Китае таких гипотез нет, но трудно сказать, насколько правильно разрешены там темные и спорные вопросы. Об этом могли бы судить только специалисты. Я должен отметить лишь один крупнейший и характерный дефект - отсутствие материалов об общинном быте. В особенности недопустим этот дефект в главе об Индии, ибо последняя, как подчеркивал не раз Маркс, является с незапамятных времен классической страной общинного быта; поэтому в советском историческом учебнике отсутствие материала об индийской общине совершенно непонятно и ничем не может быть оправдано.

74
Резюмируя все сказанное, следует признать, что за исключением двух-трех глав, рукопись должна быть частью переработана, частью написана заново. При этом должна быть добавлена глава, содержащая критический обзор литературы по истории древнего Востока, а всей книге должно быть предпослано методологическое введение, в котором должны быть изложены руководящие установки основоположников марксизма по отношению к древневосточному обществу и древневосточной истории, с учетом важнейшего материала работы Маркса. "Формы, предшествующие капиталистическому производству", Переработка учебника должна быть произведена в точном соответствии с установками основоположников марксизма.

Акад. Никольский.

1940. УШ. 29.

5/IX-40г.

и ф.